

Человек с чужим прошлым

Автор:

Василий Веденеев

Человек с чужим прошлым

Василий Владимирович Веденеев

Коллекция военных приключений

Главный герой романа известного писателя Василия Веденеева – советский разведчик Антон Волков – бесстрашно вступает в неравный бой со всемогущим абвером. Весной 1940 года сразу три разведки – немецкая, советская и английская – разыскивают затерявшегося на территории Польши полковника Марчевского, владеющего тайной шифра картотеки разведотдела польского Генерального штаба. Марчевского обнаруживает абвер, но до того полковник успевает вступить в контакт со связным. Но с чьим?.. Начинается смертельно опасная игра с далеко идущими политическими последствиями.

Василий Владимирович Веденеев

Человек с чужим прошлым

© Веденеев В.В., наследники, 2016

© ООО «Издательство «Вече», 2016

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2017

Сайт издательства www.veche.ru

Пролог

Шестого июля 1939 года, около четырех часов дня, напротив ворот поместья Каринхолл в Германии остановился большой автомобиль. Его единственный пассажир – крупный шведский промышленник и инженер Биргер Далерус, с нескрываемым интересом всматривался сквозь лобовое стекло в очертания замка.

Да, именно замка!

Четыре года назад, когда Далерус познакомился с Германом Герингом, первой женой которого была шведская баронесса, ему довелось побывать в поместье командующего люфтваффе. Но тогда здесь стоял лишь грубо построенный дом из балок, напоминавший северные блокхаузы. Теперь же взору изумленного шведа предстал высокий забор, окаймлявший дорогу, ведущую через парк к дворцу. На его столбах внимательный глаз инженера отметил замысловатые украшения и бронзовые скульптуры. Около дворца трудилось множество рабочих, занятых расширением пристроек к крыльям замка.

Шведского промышленника встретил дворецкий, провел его по анфиладе комнат, показал роскошный кинотеатр в полуподвале, пивной зал, оформленный в древнегерманском стиле, и огромный кабинет хозяина со множеством картин старых мастеров.

«Спектакль, – неприязненно подумал швед, следуя за дворецким, бесшумно двигавшемся по узорному паркету. – Навязчиво подчеркивают изменения, произошедшие с момента моего последнего визита. Хотят показать, что произошло с национал-социалистскими руководителями с тех пор, как они взяли власть? Или намекают на незыблемость своей империи?»

Наконец дворецкий остановился около высоких дверей.

– Господин Далерус, господин Геринг просит его извинить. Сегодня на пять часов назначен прием, на который приглашены знаменитости немецкого театра и кинематографии. Поэтому господин Геринг не сможет уделить вам много времени. Прошу... – и дворецкий с легким поклоном распахнул створки.

В большом зале прохаживались несколько офицеров штаба Геринга в белоснежных мундирах и белых штиблетах. Самого командующего еще не было.

Швед сделал несколько шагов вперед и сдержанно поклонился, здороваясь с офицерами. В ответ офицеры вскинули руки в нацистском приветствии.

Открылись двери в противоположном конце зала, и вошел Геринг: тучный, краснолицый, в увешанном орденами мундире из светло-голубой замши. Небрежно кивнув присутствующим, он знаком отозвал Далеруса в сторону. Не говоря ни слова, вопросительно уставился на него отекавшими глазами.

Швед понял: близкий друг Адольфа Гитлера и один из создателей национал-социалистской рабочей партии Германии ждет от него объяснения причин визита.

– Господин Геринг, – негромко начал швед заранее подготовленную речь. – Не далее как второго июля я встречался с некоторыми моими друзьями в «Констительшнел клуб», где мы обсудили сложившееся в международной политике положение. Мои друзья занимают весьма видное положение в английском обществе и ясно резюмировали мнение общественности своей страны: в дальнейшем Англия не потерпит наступательных акций Германии! Я уже неоднократно замечал, что в вашей империи имеется склонность игнорировать нежелательные сообщения. В этой связи я счел своим долгом сообщить вам это мнение английской общественности.

Геринг молчал.

– Как представляется, сейчас необходимо сделать все, чтобы избежать войны, – немного помедлив, продолжил Далерус под сонным взглядом командующего. – Я уполномочен моими английскими друзьями предложить вам провести встречу, в ходе которой вы и несколько других членов германского имперского правительства могли бы осуществить переговоры с английскими государственными деятелями.

Геринг молчал.

– Я прошу вас дать мне ответ о возможности такой встречи.

Геринг утвердительно кивнул и вышел из зала; следом за ним ушли его офицеры.

Дворецкий проводил шведского промышленника до машины и любезно открыл перед ним дверцу...

* * *

Восьмого июля Далерус наконец получил официальное уведомление от Геринга, что Гитлер дал согласие на встречу. Воодушевленный первым успехом, швед начал заниматься организацией проведения переговоров представителей двух империй.

Для совещаний он предложил дом, принадлежавший его жене и расположенный в местечке Сенке Ниссен Куг в немецкой провинции Шлезвиг-Гольштейн, недалеко от датской границы.

Промышленник не предполагал, что «историческая» встреча будет проходить на земле, в честь которой назван один из мощных боевых кораблей военно-морских сил Германии, через полтора месяца прославившийся тем, что выпустил из жерл своих пушек первые снаряды Второй мировой войны...

* * *

Встреча состоялась седьмого августа. С немецкой стороны в ней участвовали Геринг, генерал Боденшатц и доктор Хюттл. С английской – семь высокопоставленных представителей деловых кругов. Едва успев начать переговоры, они недвусмысленно заявили: если Германия вновь попытается захватить чужую территорию, Британская империя встанет на сторону Польши.

Геринг, тряся обвисшими как у бульдога щеками, дал честное слово солдата и государственного деятеля сделать все от него зависящее для предотвращения войны, не упустив при этом возможности напомнить, что он располагает самой сильной авиацией в мире!

Утром англичане уехали, чтобы доложить о ходе переговоров в «Форин оффис» – Министерство иностранных дел.

* * *

К двадцать третьему августа 1939 года Гитлер уже закончил все приготовления к войне и срочно вызвал в свою ставку, расположенную в Оберзальцберге, высших руководителей вермахта[1 - Текст выступления Гитлера 23 августа 1939 года на совещании в Оберзальцберге был найден после поражения нацистской Германии в архивах ставки во Фленсбурге.].

– Я для того созвал вас сюда, чтобы еще раз бросить взгляд на детали моего решения...

Фюрер заметался по кабинету, сжимая и разжимая кулаки.

– Из побудительных причин нужно выделить две: мою личность и личность Муссолини. В сущности, от меня зависит все – от моего бытия и моих политических способностей. В будущем наверняка не встретится человек с большим авторитетом, чем у меня. Следовательно, мое существование является очень ценным фактором! Однако я в любой момент могу пасть жертвой покушения преступника или безумца. Другим личным фактором является дуче. Его существование тоже имеет решающее значение. Дуче – человек с самыми крепкими нервами в Италии. На другой стороне перед нами разворачивается негативная картина. В Англии и Франции мы не находим выдающихся личностей. Руководители наших противников остаются на уровне значительно ниже среднего. Они не являются людьми действия. Наряду с личными факторами для нас благоприятно и политическое положение. Все эти обстоятельства вряд ли смогут существовать через два-три года. Никто не знает, до каких пор я проживу. Поэтому лучше, если столкновение произойдет сейчас!..

Гитлер остановился у стола, оперся на его крышку кончиками слегка подрагивающих от нервного возбуждения пальцев и медленно обвел собравшихся зеленоватыми глазами. Лица и спины генералов и высших сановников рейха закаменели.

– Наше отношение к Польше становится невыносимым! – неожиданно выкрикнул фюрер, сделав резкий жест левой рукой. – Сейчас больше вероятность того, что Запад не вмешается! Поэтому мы должны встать на путь смелых действий с беспощадной решительностью. Нужны крепкие нервы, твердая, как сталь, решимость... Я боюсь только того, – внезапно сникнув, едва слышно проговорил Гитлер, – что в последний момент какая-нибудь свинья вылезет с предложениями о посредничестве...

* * *

Вечером того же дня Геринг сам позвонил Далерусу и попросил срочно приехать в Берлин. Шведский промышленник не замедлил откликнуться и двадцать четвертого августа встретился с Герингом, который отлично знал, что война уже неминуема. Однако, тщательно скрывая это от шведа, рейхсмаршал попросил его отправиться в Лондон.

Гордый своей миссией миротворца Далерус прибыл к министру иностранных дел Британской империи лорду Галифаксу.

– Сегодня в полдень наш посол в Берлине Гендерсон говорил с Гитлером, – доверительно сообщил лорд. – Надеюсь, соглашение все же возможно. Я готов написать письмо Герингу с подтверждением намерений Англии мирно решать дела на континенте...

* * *

Двадцать шестого августа Далерус вновь встретился с Герингом в салон-вагоне личного поезда командующего и вручил ему письмо лорда Галифакса. Ровно в полночь Геринг передал его Гитлеру.

На другой день Далерус вылетел в Лондон. Ночью он был принят фюрером, и сейчас вез в своем портфеле предложения немцев: «Германия дает гарантию относительно того, что она силами вермахта будет защищать Британскую империю, где бы ни постигло ее нападение; Германия желает заключить с Англией договор или союз; Англия должна помочь Германии овладеть Данцигом и польским коридором...»

* * *

Двадцать шестого августа, вроде бы отошедший в сторону от политической борьбы, но на самом деле только выжидавший удобного момента, чтобы взять верховную власть в Британской империи в свои веснушчатые пухлые руки, Уинстон Леонард Спенсер Черчилль вернулся из Франции на острова, безошибочно почуяв неминуемый политический и военный кризис, который должен привести его наверх...

До начала Второй мировой войны оставалось пять дней. В России убирали созревшие под мирным небом хлеба, во Франции давили виноград. Даже поляки, уже с апреля испытывавшие постоянные провокации немцев, еще не верили в возможность войны...

* * *

В ночь на первое сентября в польских деревнях справляли «дожинки» – старый и славный народный праздник, от которого, казалось, всегда веяло теплом хлеба, ароматом свежее испеченного хлеба из зерна нового урожая, взятого из полного после недавнего обмолота амбара. Праздник, после которого ждали студеной, снежной зимы; праздник, на котором хозяева, садясь за стол, клали на домотканые скатерти тяжело гудящие натруженные руки, а женщины, весь день хлопотавшие у печи, разгибали наконец, сладко потягиваясь, согнутые в бесконечных заботах по дому и в работе на жнивье спины...

Солдаты тоже не спали в казармах. Особенно новобранцы из селян. Даже муштра на плацу, ежедневные утомительные занятия и марши не могли их заставить забыть про «дожинки», и они тихо перешептывались в темноте, примолкая, заслышав шаги дневальных...

* * *

Первого сентября 1939 года в четыре часа сорок семь минут утра майор Сухарский, командир польской военной части Вестерплатте под Данцигом, послал в военное министерство в Варшаву сообщение по радио: «Немецкий линкор “Шлезвиг-Гольштейн” в четыре часа сорок пять минут открыл по нам

огонь из всех орудий. Обстрел продолжается. Жду ваших указаний».

В этот же час силы вермахта начали массированное наступление на территорию Польской республики на всех участках границы. Вскоре, подавив сопротивление поляков, немецкие танки, окрашенные в зловещий черный цвет, вышли на дорогу к Ченстохове...

Гауптман Фабиан, удобно расположившись за складным столиком в полевом радиоцентре, задумчиво водил острой ножкой циркуля по крупномасштабной карте Польши. Жирно проведенные красным карандашом стрелы на серовато-коричневой немецкой карте, обозначили путь, по которому двигались механизированные группы абвера под командованием опытных офицеров Шнейдера, Булана и Енша, получивших приказ внезапным ударом парализовать разведцентры противника и захватить все имеющиеся в них материалы.

Игла циркуля, – такого мирного, блестящего никелем чертежного инструмента, но сделанного из крупновской стали, – безжалостно втыкалась в пройденные специальными группами пространства чужой территории, оставляя на бумаге ровные дырочки, словно отметки пулеметных очередей с машин люфтваффе, повисших над дорогами.

За спиной гауптмана попискивала рация – командиры групп каждые полчаса сообщали о ходе операций. Один из радистов немного повернул верньер настройки приемника. Из динамика рванулся резкий, захлебывающийся на высоких нотах голос.

– Прибавьте громкость, ефрейтор! – не оборачиваясь, приказал гауптман. – Говорит фюрер!..

* * *

В десять часов утра в Берлине Гитлер выступил с речью в рейхстаге:

– Сегодня ночью немецкая территория была обстреляна солдатами Польши. С пяти часов сорока пяти минут мы отвечаем на обстрел и, начиная с данного момента, отплатим бомбой за каждую бомбу!.. – кричал фюрер с трибуны, не зная, что по халатности чиновников, готовивших речь, в нее вкралась ошибка во

времени на целый час.

Но даже если бы он и узнал об этом, то только презрительно скривил губы под усами-щеткой: какая разница, часом раньше или позже приступить к окончательному покорению всей Европы, всего Мира!

Началась Вторая мировая война...

Глава 1

Переходя улицу, пан Викентий вновь незаметно оглянулся. Так и есть! Подозрительный тип, увязавшийся за ним на перекрестке недалеко от базара, не отставал – прохожих мало и обнаружить слежку не представляло особого труда. К тому же преследователь не особо и прятался. Сделав равнодушное лицо, он упрямо шагал и шагал за паном Викентием, останавливаясь, когда останавливался тот, и снова двигаясь следом, когда Марчевский отходил от стены с наклеенным на нее очередным приказом военного коменданта или вставал с непросохших после недавно сошедшего снега садовых скамей в скверах.

И как назло ни одного трамвая! Можно было бы на ходу вспрыгнуть на площадку, а потом также внезапно соскочить и скрыться в запутанных проходных дворах. Или доехать до конечной остановки на окраине и там избавиться от настойчивого соглядатая другим способом. Не тащить же за собой «хвост» к квартире Зоси... Только этого не хватало!

В том, что «хвост» прицепился к нему не у подъезда Зосино дома, пан Викентий был полностью уверен: он всегда тщательно осматривал улицу, прежде чем выйти – сначала из окон квартиры, потом с лестничной площадки и через стекло двери парадного. Да и кому знать, где он сейчас живет? Эту квартиру Зося заняла уже после начала войны, и просто счастливая случайность свела их вместе в трудном октябре тридцать девятого. Иначе он ни за что не нашел бы ее в жуткой круговерти кровавых событий столь скоротечной и столь же позорной войны.

Жены пан Викентий лишился в первую же бомбежку. Был дом, семья, уважение сослуживцев, заманчивые перспективы продвижения по ступеням лестницы, ведущей наверх, к новым чинам, наградам... а теперь нет ничего, кроме детей и Зоси – доброй, милой Зоси. И ненависти.

Нет, не той ненависти – яростной, туманящей мозг, а другой – расчетливой, холодной, сосущей изнутри сердце. Гложущей, как червяк, денно и ночью, в неутолимой жажде ударить врага побольнее, храня себя для новой и новой мести...

Пусть даже придется долго ждать удобного момента. Но он будет, обязательно будет! По крайней мере со своей стороны пан Викентий сделал все, чтобы этот момент наступил.

Сегодня он второй раз приходил на условное место встречи со связником. Тот должен был ждать его, начиная с десятого числа этого месяца по понедельникам, средам и пятницам днем ровно в половине второго, в маленьком помещении касс кинотеатра «Зевс». В это время там редко бывали посетители, желающие приобрести билет на просмотр немецкой кинохроники или старого фильма про ковбоев. Не те времена – сейчас людям не до кино.

Поэтому для встречи со связным Марчевский избрал именно кассы кинотеатра – меньше возможности для случайных совпадений, поскольку ни он, ни связник не знали друг друга в лицо. Только условные знаки для опознания друг друга и пароль: ничего не значащие для стороннего человека фразы. Остальное уже потом, когда они уйдут с места встречи...

Но связник не появлялся. Может быть, посланец Марчевского не дошел до новых друзей, или на той стороне ему не поверили? Нет, должен был дойти, должны были поверить – пан Викентий нашел именно такого человека, который и дойдет, и вызовет доверие у тех, кто должен теперь стать ему друзьями...

Но надо избавляться от непрошеного спутника на прогулке. Марчевский знал, что его ищут разные люди и с разными целями. С одними он сам страстно желал встретиться, с другими – нет. Господин в темном пальто и широкополой шляпе явно не посланец тех, с кем пану Викентию сейчас хотелось бы увидеться.

Поляк прибавил шагу и направился в сторону тихих улочек, скрывавших оставшиеся после прошлогодних бомбежек развалины. Больше не оглядывался – понял, что тип в широкополой шляпе прилипчив, как назойливая осенняя муха, и так просто не отвяжется. Что ж, в таком случае придется заставить его это сделать.

Пан Викентий невесело усмехнулся – многие из хорошо известных ему приемов избавления от слезки оказались непригодными в условиях оккупации. Но первая растерянность уже прошла, и мозг работал четко, выискивая наилучший вариант. Однако тревожное чувство, возникшее, когда он заметил господина в темном долгополом пальто, идущего следом с упорством гончей, не исчезало, а наоборот, усиливалось.

Ни к чему сейчас такие приключения, ни к чему. Слишком много поставлено на карту, сделан важный ход, даже не ход, а принято очень серьезное решение, осуществлены меры для его реализации, а тут возникали ненужные осложнения.

Марчевский с сожалением вспомнил о Мокотовском поле в старой, еще довоенной, Варшаве. Вот где было удобное место для встреч и неожиданных исчезновений. Там собирались тысячи людей, преимущественно безработных, которым некуда было девать свободное время. Некая своеобразная, стихийно возникшая биржа с неограниченным выбором дешевой рабочей силы. В такой толпе проще простого затеряться. Но сейчас не было ни Варшавы, ни Мокотовского поля – была полупустая улица без трамваев, редкие прохожие, жавшиеся к домам, быстро шагавший по грязному, покрытому лужами тротуару Марчевский и его молчаливый преследователь, от которого надо было избавиться.

Сзади послышался рокот моторов. Марчевский оглянулся – на улицу втягивалась моторизованная часть немцев: пятнистые тенты огромных грузовиков опущены, глухо гудели бронетранспортеры, стрекотали подпрыгивающие на булыжной мостовой мотоциклы.

Не стоило лишний раз искушать судьбу, и пан Викентий свернул за угол. Там, как он помнил, раньше было кафе, в котором ему довелось раз-другой выпить чашечку кофе. Тихое, по-домашнему уютное, с большой пальмой в деревянной кадке, стянутой ржавыми обручами, темным паркетным полом и маленькими столиками на двоих, покрытыми разноцветными скатертями.

На счастье маленькое кафе оказалось целым и было открыто. Оглянувшись еще раз на казавшуюся бесконечной колонну немецких воск, ползущую на восток, Марчевский толкнул знакомую дверь.

Кадка с пальмой стояла на старом месте в углу. Правда, развесистая крона слегка пожелтела и пожухла, острые длинные листья поникли, как сложенные веера. Столики, за которыми сидели немногочисленные посетители, уже не покрывали разноцветные скатерти, и, самое главное, отметил про себя пан Викентий, совсем пропал дразнящий, вызывавший аппетит и предвкушение праздника запах шоколада, ванили и хорошего кофе, сваренного по-варшавски.

Марчевский подошел к стойке, за которой пожилой хозяин перебирал пластинки, решая, какую из них поставить на старенький патефон, попросил кружку пива и бутерброд. Хозяин, даже не удостоив его взглядом, молча кивнул и остановил свой выбор на одной из пластинок, бережно насадил ее на штырек патефонного круга, обтянутого малиновой байкой. Склонив голову набок, как прилежный ученик, выводящий в своей тетради заданные строгим учителем чистописания и каллиграфии упражнения, он начал заводить патефон, шевеля губами и отсчитывая обороты ручки – ровно двадцать четыре. Тихо опустил черный диск на иглу, взял полотенце и начал протирать кружку.

Пластинка была старой, поцарапанной, патефонная игла тупой, поэтому звук получался хрипловатый, но пан Викентий сразу узнал любимое им танго Ежи Петербургского. Вот вступил аккордеон, легко полилась мелодия, подхваченная саксофоном, женский и мужской голоса запели дуэтом о синих цветах разлуки и давно ушедшей любви.

«Как много и как мало отпущено человеку в жизни. Сначала он спешит вперед, а потом начинает сожалеть о прошлом, живя воспоминаниями о былом», – подумал Марчевский, взяв кружку с дрянным – видно уже по пене – жидким пивом, небрежно подвинутую к нему хозяином. На маленькой сервировочной тарелочке появился бутерброд – серый кусок хлеба с тонким слоем маргарина и крошками паштета неизвестного происхождения. Скорее всего, из конины.

Танго напомнило о поездке с женой в Париж, выступления молодого, малоизвестного шансонье Жана Габена, исполнявшего под аккомпанемент аккордеона песни парижских окраин и рабочих кварталов. Тогда, после концерта, покойная жена сказала ему, что знает о Зосе. Как честный человек, он должен сделать выбор: семья и дети – или любовница.

Выбор за него сделала война. Хорошо еще, что остались живы дети и их удалось отправить из Варшавы в деревню, к дальним родственникам жены. А Янина не убереглась. Судьба?

Когда-нибудь, видимо, не скоро, война закончится, подрастут дети. Смогут ли они понять его, принять Зою, если, конечно, к тому времени все останутся живы? Стоит ли сейчас надрывая сердце думать об этом? Кто знает, что ждет впереди?..

Размышления оборвал стук входной двери. Вошел тот самый, в длинном темном пальто и широкополой шляпе. Ничем не примечательное лицо. Скопив глаза, пан Викентий бросил взгляд на его ноги – хорошая обувь. Сохранилась с довоенной поры или его подозрения верны? Такие ботинки обычно носят немцы.

Тем временем мужчина в широкополой шляпе прошел в глубь зала, присел за столик, достал из кармана пальто дешевые сигареты. Сняв шляпу, он обнаружил рано полысевшую голову с редкими рыжеватыми волосами. Протянув длинную руку, взял с соседнего столика оставленные кем-то газеты.

Снова стукнула дверь. Вошел еще один посетитель. Цепко прошелся глазами по стоявшему у стойки Марчевскому и присел за столик у двери, вытянув ноги в хорошо начищенных сапогах.

Пан Викентий успел перехватить его быстрый и вроде бы равнодушный взгляд, брошенный на лысого. Тот едва заметно кивнул в ответ. Или показалось? Но все равно, пора уходить. Если второй из тех, кто взялся за ним следить, то его обкладывают серьезно.

– Эти двое идут за мной, – тихо сказал Марчевский хозяину. – Пан может показать второй выход?

Ответа он ждал с замиранием сердца – сейчас, в оккупации, наступило время недоверия, и кто знает, как поведет себя хозяин кафе? Сделает вид, что ничего не слышал? Тогда придется снова петлять по улицам, и еще неизвестно, чем все закончится. Очень плохо, что второй в начищенных сапогах – ведь на улице грязь, значит, он вышел из машины. Если здесь есть второй выход, можно попробовать оторваться от слежки. Ну!..

Хозяин, опустив голову с ровным пробором в седых волосах, почти не разжимая губ, прошептал:

– Идите в туалет. Крайняя левая кабинка... – И уже громко добавил: – Маю надею, пан надолго застанется? По цели замовиц?[2 - Надеюсь, пан надолго останется? Что хотели заказать? (польск.)]

– Кавы...[3 - Кофе (польск.)] – небрежно бросил Марчевский, благодарно поглядел в глаза хозяину кафе и пошел к скрытой потертыми плюшевыми занавесками двери, ведущей в туалет.

Мужчина в начищенных сапогах проводил его настороженным взглядом, лысый отложил газеты.

Пан Викентий быстро захлопнул за собой дверь кабинки туалета и увидел в стене, почти под потолком, небольшое оконце. Без решеток, без рамы, просто вентиляционная дыра, в которую, хоть и с трудом, можно было попробовать протиснуться. Он встал ногами на унитаз и подтянулся, схватившись за край отверстия. Да, можно пролезть.

Свернув потуже пальто, он вытолкал его наружу, потом вылез сам и очутился в захламленном дворе, выводившем в развалины.

Не отряхивая грязного пальто, на ходу влезая в рукава, Марчевский торопливо пошел по тропинке между разбитыми стенами домов, стараясь уйти как можно дальше от кафе. Жаль, что не расплатился с хозяином, но, если будет все в порядке, он отдаст ему свой долг. И за пиво с бутербродом, и за указанный путь к спасению.

* * *

Мужчина в начищенных сапогах подошел к стойке. Брезгливо сдвинул в сторону кружку с недопитым пивом и тарелку с нетронутым бутербродом, ухватил хозяина за вязаный жилет, притянул к себе и уставился ему в лицо немигающими светлыми глазами.

– Знаешь его? Отвечай, свинья! – спросил он по-польски с немецким акцентом. – Часто здесь бывает?

Старик взглянул через его плечо в зал. Лысый уже успел убедиться, что там никого, и прошмыгнул мимо них на улицу. И сразу же под окнами громко заурчал мотор автомобиля.

– О, тен пан? – хозяин сделал слабый жест в сторону потертых плюшевых занавесей.

– Да, да! – заорал немец. – Быстро!

– Тен пан перший раз об эту пору трапезуе...

Пальцы мужчины в начищенных сапогах скрутили жилет на груди хозяина туже, потом вдруг разжались, сильно оттолкнув старика. Не удержавшись на ногах, тот упал; зазвенев, посыпалась на пол мелочь из сбитого им при падении ящика деревянной кассы, стоявшей на табурете за стойкой.

Немногочисленные посетители кафе притихли. Немец зло сплюнул на чисто подметенный пол и быстро вышел. Торопливо бросая деньги на стойку, начали выходить один за другим и остальные посетители. Наконец кафе опустело.

Старик хозяин тяжело вздохнул, поднял ящичек кассы и начал ползать на коленях по полу, собирая мелочь. Губы его горько кривились, а по морщинистым щекам текли слезы...

* * *

Развалины кончились быстро. Видно, раньше это были три или два небольших дома, стоявшие совсем рядом и разбитые ударом взрыва одной немецкой бомбы. Уцелели ли те, кто жил в них?

Марчевский тщательно отряхнул пальто и осторожно выглянул из-за обломка стены с сохранившейся штукатуркой, покрашенной голубой клеевой краской. Перед ним никого не было. Так, посмотрим сначала налево. Проклятье! В конце улицы торчала знакомая фигура в длинном пальто и широкополой шляпе. С

другой стороны ждал тот, в начищенных сапогах: он медленно прохаживался по тротуару, сунув руки в косые карманы полупальто из коричневого бобрика. Значит, они вместе и у них есть машина.

Что ж, игра пошла серьезная. Если бы его хотели задержать, взяли бы прямо на улице еще час назад или в кафе. Нет, наверняка им надо знать: где он теперь живет, у кого, куда пойдет, с кем встретится. Поэтому брать пока не станут. Или он ошибается? Может быть, стоит вернуться назад, пройти через развалины на улицу, где расположено кафе? Вроде бы эти стражи его не видели. Но там могли ждать другие. И все же стоило рискнуть.

Дзельница – квартал, где были развалины, небольшой, и вполне вероятно успеть раньше немцев. В том, что за ним следят немцы, пан Викентий уже не сомневался. Но уверенность, которая глубоко в тебе, это еще не есть истина! Возможна и ошибка, поэтому идти на обострение – стрелять или, спаси, Пресвятая Дева, убивать наблюдавших за ним, Марчевский не хотел.

Если это немцы, они потом не простят, а если нет, сам себе не простишь, да и кто знает, как все оно в конце концов повернется? Нет, стрелять можно только в самом крайнем случае, когда не будет иного выхода. Хотя кто это может быть кроме немцев? Те, с кем желал встречи Марчевский, знали, как его найти. Должны были знать!

Быстро повернувшись, он пошел по знакомой тропке обратно. Вот и выход на улицу. Теперь не оглядываясь, ничем не привлекая к себе внимания, надо пройти по тротуару до угла к трамвайной остановке. Или зайти в любой подъезд и там подождать вагона?

Ступив на тротуар из-за глыбы битого кирпича с намертво впаявшимися в нее причудливо изогнутыми взрывом бомбы железными балками, он невольно вздрогнул – навстречу, мерно печатая шаг, двигался патруль эсэсовского взвода комендатуры. Марчевский прижался спиной к остаткам стены и пропустил их. Немцы прошли мимо совершенно равнодушно, даже не удостоив его взглядом.

Лоб стал мокрым. Сунув руку в карман пальто за платком, пан Викентий наткнулся пальцами на холодный металлический предмет. Ключ! Ключ от проходного парадного! Как он мог забыть о нем? По приказу коменданта все подъезды не запирались, но замки в дверях сохранились и у него есть ключ от

замечательного парадного – поднявшись по лестнице, можно через второй этаж пройти в другой дом, а оттуда легко попасть в систему проходных дворов, выход из которых в неприметной подворотне через две улицы. Прекрасно! И самое прекрасное, что дом с замечательным парадным совсем недалеко отсюда. Вот потом можно будет и подождать трамвая, а приехав в тихую Зосину квартирку, выпить кофе, покурить и не спеша подумать, все проанализировать, уяснив для себя: как он мог оказаться в поле зрения немецкой наружной службы? Чья она – гестапо, СД, абвер? Скорее последнее. Наверняка именно эти господа желают видеть его как можно скорее. Но желания подчиненных адмирала Канариса пока не совпадали с планами пана Викентия.

Марчевский направился в сторону центра. Сворачивая за угол, бросил взгляд через плечо.

Дьявол! Метрах в ста позади мелькнуло знакомое долгополое пальто и темная шляпа. Вот вцепился, клещ! Однако надо признать, что работают они грамотно, не отпуская объект наблюдения далеко от себя и быстро обнаруживая его при попытках скрыться. Неужели придется до Зосино дома тащить за собой этого лысого, прикрывшего плешь широкополой шляпой? Ну нет, не дождетесь. Перебежав улицу, он нырнул под арку ворот большого здания и через минуту очутился в тихом переулке, кривом и горбатеньком, с мощенной красноватой булыгой проезжей частью, настолько узкой, что там не смогли бы разъехаться и две повозки. Отсюда до заветного подъезда гораздо ближе.

Впереди темнела толпа людей. Заметив вооруженную охрану, Марчевский невольно замедлил шаг: что это, облава? Но тогда почему не слышно криков и лая свирепых немецких собак, почему не бегут навстречу перепуганные люди? В облаву ему попадать никак нельзя, но и повернуть назад тоже.

Подойдя ближе, Марчевский разглядел понурых людей в плохой одежде. У многих из них на рукавах были нашиты голубые шестиконечные звезды. Полицейские в синих мундирах и двое немцев с карабинами лениво покуривали, наблюдая, как арестанты сдирали со стен остатки плакатов, наклепленных минувшей осенью.

На одном из них был изображен поднявший булаву генерал Рыдз-Смиглы. Из-под его правой руки выезжали колонны танков, из-под левой выплывали оцетинившиеся оружием корабли, внизу частым гребнем сверкали штыки марширующих батальонов, а над головой пролетали эскадрильи самолетов.

Плакат был сделан на хорошей бумаге, приклеен к стене дома на совесть – видно, расклейщик афиш не пожалел клейстера, – и теперь понукаемые окриками конвоиров арестанты с трудом отдирали не поддавшуюся даже дождям и снегу наглядную агитацию бывшей Польской республики. Дольше всех продержался лоскут бумаги с рукой Рыдз-Смиглы, зажавшей булаву. Но и его соскоблили со стены.

Пан Викентий снова оглянулся – как там лысый? Тот по-прежнему шел следом, четко соблюдая дистанцию. Интересно, не крикнет ли он охранникам-немцам или полицейским? Нет, промолчал.

Марчевский ускорил шаг. Да, вот что осталось от пустого треска речей членов правительства о сильной обороне – одни плакаты, пережившие само правительство. А ведь сколько было разных добровольных обществ, призванных помочь армии. Вспомнить хотя бы лигу воздушной обороны государства – «Польские крылья». Все население сдавало деньги, но современных самолетов почему-то так и не построили. Не на эти ли деньги господ из бывшего правительства сейчас живут в Лондоне?..

Подойдя к знакомому подъезду, пан Викентий наклонился и сделал вид, что ту же затягивает шнурок на ботинке. Лысый в долгополом пальто тоже остановился, будто бы шаря по карманам в поисках спичек – в губах у него была зажата сигарета. Второго, в начищенных сапогах и полупальто из коричневого бобрика, нигде не видно. Ждет, чтобы сменить уставшего коллегу, двигаясь следом в машине? Хорошо если так. Даже с машиной они не успеют выскочить на ту улицу, куда сейчас выйдет пан Викентий.

Удача! Одна из створок массивной двери заветного подъезда была плотно притворена и закрыта изнутри на шпингалеты. Только захлопни дверь, вставь ключ, поверни его... и ты свободен от назойливого внимания. Но вдруг замок не работает? Все равно стоит попробовать. Следом за ним лысый в подъезд не сунется – побоится засады. Кроме того, немцы – аккуратисты: раз их обучали сразу за объектом наблюдения не входить, так они и поступят. Прекрасно! Тогда вперед.

Марчевский неожиданно свернул в подъезд. Ключ легко вошел в замочную скважину. Теперь захлопнуть тяжелую дверь. Повернется ключ в замке или... Повернулся.

Взбегая вверх по лестнице на второй этаж, пан Викентий представил себе растерянное и глупое лицо лысого, когда тот начнет ломиться в закрытые двери подъезда, а потом станет метаться по улице и торопливо совещаться со своим напарником, кидаясь в разные стороны в поисках исчезнувшего поляка, которого они «пасли». Да черт с ними!

Правда, теперь, наверное, придется высидеть дома неделю-другую, не выходя на улицу: пусть думают, что он с перепугу уехал из города. Не станут же немцы в поисках его прочесывать квартал за кварталом, дом за домом, квартиру за квартирой? Хотя... с этих господ станется – когда им очень нужно, они готовы на все, а Марчевский знал, что он им очень и очень нужен.

* * *

Он выкурил, наверное, пять или шесть сигарет, спрятавшись в глухом парадном полуразрушенного дома, откуда долго наблюдал за квартирой Зоси. И только убедившись, что все в порядке, пан Викентий быстро перебежал улицу и шмыгнул в подъезд, аккуратно придерживав за собой дверь, чтобы она громко не хлопнула...

* * *

Мужчина в бобриковом полупальто и начищенных сапогах снял фуражку и скомканным носовым платком, зажатым в левой руке, вытер свою потную шею. Правой он прижимал к уху телефонную трубку. Наконец на том конце провода ответили:

– Здесь Ругге!

– Докладывает восьмой! – привычно вытянулся мужчина. – Сообщение подтвердилось. Мы пугнули его неприкрытым наблюдением. Он два раза довольно умело срывался с крючка, но в конце концов привел в указанный агентом адрес... Нет, прежде чем войти, он тоже проверялся, но нас не обнаружил. Мы разделились – Штубе гнал его по улицам, а я ждал в адресе... Нет, он уверен, что ушел... Да, контактов не имел... Есть!

Положив трубку на рычаги, мужчина вытер платком лоб, достал сигареты и, опустившись на жесткий стул, неторопливо закурил, с наслаждением выпустив струю дыма первой, как он считал, самой сладкой, затяжки.

* * *

Поднявшись по лестнице, пан Викентий некоторое время постоял, чутко прислушиваясь. Тихо. Он достал из кармана ключи, бесшумно открыл дверь квартиры и, толкнув ее кончиками пальцев, подождал, стоя за порогом.

В прихожей было сумрачно и пусто. Он быстро вошел, запер за собой дверь, прислонился к ней спиной и негромко засмеялся: ему снова удалось уйти живым и невредимым, оторваться, не притащить к своему последнему убежищу «хвоста». Как тут не радоваться? Словно ты заново родился на свет или сдал труднейший экзамен в гимназии злему и вечно придирающемуся к тебе учителю. Чудесно, когда можешь принадлежать самому себе и дать волю своим чувствам!

Марчевский снял шляпу и пальто, повесил их на вешалку. Зажег свет, подошел к зеркалу. Трюмо бесстрастно отразило высокого худощавого мужчину с ранней сединой в висках, глубоко посаженными усталыми глазами, окруженными мелкой сеткой морщин. Он потер ладонями щеки: разве раньше у него были такие морщины под глазами? Никто не давал ему на вид больше тридцати семи – тридцати девяти. А на самом-то деле он уже справил сорок семь. Нет, видно, нелегальный образ жизни все же не для него. Или не для мужчин его возраста? Возможно, стоит к этому прибавить, что нелегко быть нелегалом в период немецкой оккупации, когда существуют такие учреждения, как гестапо?

Повертевшись перед зеркалом, он осмотрел себя со всех сторон – не порван ли где костюм? Все же сегодня пришлось вылезать в узкую дыру, но, по счастью, костюм был в порядке. Небольшое пятно кирпичной пыли на левом локте он быстро убрал щеткой – Зося впечатлительна, не стоит ей рассказывать о сегодняшнем приключении, а пятнышко теперь не выдаст.

Пан Викентий бросил последний взгляд в зеркало и с гордостью подумал, что есть еще силенка и ловкость – не каждый в его возрасте сможет выдержать такое нервное и физическое напряжение, какое пришлось ему вынести за сегодняшний день. И от чувства радостной удачи даже прищелкнул пальцами.

Марчевский погасил свет и хотел пройти в комнаты, но передумал и, достав сигареты, присел на пуфик – так ведь толком и не покурил. Разве можно считать выкуренное в парадном, когда он, нервничая, ждал, не появятся ли его преследователи у Зосинога дома?

Закурив, он блаженно откинулся назад, упершись затылком в стену, но тут же вскочил на ноги. Ему послышались голоса в гостиной: громкий Зосин смех и вкрадчивый низкий мужской голос. Кто там может быть? Зося никого не принимает, да и какие сейчас гости, когда ввели полицейский час, устраивают облавы и всем стало нечего жрать. Да, именно жрать!

Пан Викентий посмотрел на вешалку: может быть, он не заметил там чужое пальто? Но нет, висели только его и Зосины вещи. Сунув сигарету в стоявшую на подзеркальнике пепельницу, Марчевский тихо, стараясь не скрипнуть ни одной половицей старого паркета, прокрался к закрытым дверям гостиной.

Да, там несомненно был мужчина, и он говорил с Зосей. Голос тихий, слов не разобрать, но интонация спокойная, уверенная. От мысли, что у Зоськи есть любовник, пан Викентий был далек – не время для амуров. Но кто там? Говорили на польском – значит не немец?

Секунду подумав, Марчевский медленно расстегнул пиджак: под мышкой у него висела кобура с большим тяжелым пистолетом армейского образца. В заднем кармане брюк пригрелся еще маленький браунинг, но огромный пистолет в руке оказывал неизмеримо большее психологическое воздействие. Опять же и калибр приличный – в случае чего не придется несколько раз жать на курок. Сейчас он выпотрошит неизвестного посетителя, который вполне может оказаться соглядатаем оккупантов.

Марчевский вынул пистолет из кобуры, проверил его, снял с предохранителя и, осторожно приоткрыв двери в гостиную, негромко сказал:

– Ни с места! Стреляю!..

* * *

Карл-Хайнц Шмидт, гауптман, уроженец Кельна, был высок, атлетически сложен, по-мужски не то чтобы красив, но весьма приятен. Его лицо лишь несколько портил слегка приплюснутый перебитый боксерский нос. Одетый по полной форме, даже в шинели и фуражке, он стоял перед столом своего начальника Генриха Ругге – круглолицего, полного и лысоватого человека лет пятидесяти, – уставившись на овальный золотой значок тяжелого ранения, прикрепленный к мундиру подполковника, развалившегося в кресле.

Рядом с Ругге сидела его любимая овчарка – огромный кобель по кличке Дар. Генрих очень любил всем пояснять, что собаку он назвал в честь знаменитого древнеперсидского царя Дария, но, поскольку Дарий для собаки слишком длинно, он отбросил последние две буквы, отчего его кобель никак не стал хуже.

Ласково почесывая пса за ушами и показывая в улыбке золотые коронки на передних зубах, Ругге медленно говорил:

– Я прошу вас, Шмидт, не забывать, что здесь мы имеем дело не с противником, с потенциальным союзником. И наша задача состоит в том, чтобы эта потенция переросла в реальность. Поэтому не давите, сделайте все мягко и вежливо.

«Опять старик мудрит, – подумал Карл-Хайнц, – не перехитрил бы самого себя».

– Я понял, господин подполковник! – прищелкнул он каблуками сапог.

– В таком случае отправляйтесь. И да поможет вам Бог!

Гауптман четко повернулся и вышел из кабинета.

Спустившись во двор к ожидавшей его легковой машине и мотоциклистам, он посмотрел на начинающее темнеть весеннее небо и недовольно поморщился, когда увидел в разрыве облаков первые звезды. Отвернув обшлаг шинели, гауптман взглянул на часы. Да, сегодня, пожалуй, ему не успеть в офицерское казино: кто знает, сколько придется потратить времени?

Усевшись в машину, он долго расправлял под собой полы шинели, недовольно сопя и тихо ругаясь. Наконец устроился достаточно удобно и скомандовал

солдату-водителю:

- Поезжайте, я скажу, где свернуть...

* * *

Зося только тихо и как-то сдавлено вскрикнула, увидев Марчевского, стоявшего в дверях с пистолетом в руке. Сидевший спиной к нему гость – сам пан Викентий никогда бы не расположился в незнакомом доме спиной к дверям, – попробовал приподняться и, обернувшись, посмотреть: что произошло, отчего так встревожена милая хозяйка? Но эта попытка была тут же жестко пресечена.

- Не двигаться! – приказал Марчевский, приставив ствол пистолета к темно-русой макушке незнакомца. – Медленно поднимите руки над головой!

Над спинкой кресла показались две поднятые руки. Манжеты светлой рубашки сползли вниз, показав тонкие запястья незнакомца. Кисти рук у него были небольшие, как у человека, никогда не занимавшегося физическим трудом, однако пальцы оказались крепкими и толстыми, с чуть припухшими суставами.

- Теперь не опуская рук медленно встаньте.

Мужчина повиновался. Он оказался почти одного роста с Марчевским, только, пожалуй, пошире в плечах.

- Повернитесь лицом ко мне!

Пан Викентий с интересом вглядывался в лицо незваного гостя. Ничего особенного: причесан на косой пробор, волосы средней длины, аккуратно пострижены; непримечательные черты лица, выделялись только тяжеловатый крепкий подбородок и надбровные дуги, отчего лоб казался низким. Взгляд светлых глаз незнакомца был прикован с стволу пистолета, направленного ему в живот.

- Пан... – начал было гость.

– Молчать! – тихо, но с явной угрозой бросил ему Марчевский.

Он уже успел окинуть взглядом хороший, но далеко не новый костюм, светлую рубашку и приятного тона хорошо повязанный галстук. В этом пан Викентий считал себя непревзойденным знатоком и мог оценить по достоинству вкус нежданного посетителя: редко кто может правильно вывязать двойной виндзорский узел галстука. Похоже, этот человек имеет некоторое понятие о приличных манерах...

– Встаньте лицом к стене. Рук не опускать, – приказал пан Викентий.

Быстро обыскав незнакомца, он убедился, что тот безоружен. Под шерстяной тканью английского костюма – в этом пан Викентий тоже не мог ошибиться, костюм был явно английского производства – ощущались натренированные плотные мышцы спины и плеч гостя. Однако от него исходил явный запах «Фрюлинга», немецкого одеколona: тонкий, едва уловимый, он казался неотъемлемой частью всей одежды.

«Это тебя и выдает с головой, приятель! – усмехнулся про себя Марчевский. – Поговорим немного, а потом, как совсем стемнеет, придется прогуляться в развалины. Интересно, кто ты? Ищейка на вольной охоте, случайно попавшая в мое убежище, или ты связан с увязавшимися за мной сегодня днем? Все равно придется тебя убрать и уходить. Сегодня же!»

Стало жалко этой квартиры, столь счастливо найденной Зоси, жалко такой уютной старинной мебели в гостиной, тяжелых гардин на окнах, широкой удобной кровати в спальне... Где-то теперь удастся приткнуться? И надолго ли обретешь покой в новом убежище, если, конечно, обретешь и само убежище? Запасных вариантов не было: уходить придется просто в темноту ночи, все равно что в никуда. Но и оставаться нельзя – сегодняшние дневные приключения и тонкий запах немецкого одеколona, въевшийся в костюм незнакомца, красноречивее слов говорили Марчевскому очень многое.

Разве только отправить Зосю к подруге, а потом прийти туда самому, после того как пристрелишь соглядатая в развалинах? Рубить концы все равно надо – это непреложный закон нелегала. И другого выхода нет! Может, удастся за день-два подыскать какое-нибудь новое жилье, или им придется уехать отсюда совсем? Правда, уезжать далеко тоже не лучший вариант – те, с кем он хотел

увидеться, станут искать его здесь. Но и немцы тоже...

Не догадывавшийся о мыслях пана Викентия незнакомец переступил с ноги на ногу. Это отвлекло Марчевского от невеселых размышлений.

– Можете опустить руки и сесть в кресло, – благосклонно разрешил он и отошел в другой угол комнаты. Снял со спинки стула пальто и шляпу гостя, быстро осмотрел их: оружия не было и там.

– Зося, выйди, пожалуйста, нам с паном надо поговорить. И собери самое необходимое. Себе и мне.

– Пан полковник зря беспокоится, – спокойно сказал незнакомец. – Я не имею дурных намерений.

– Вот как?.. – протянул несколько удивленный Марчевский. – Зося, почему ты егопустила?

– Но он сказал, что давно знает тебя, – красивое Зосино лицо выражало искреннее недоумение.

«Боже мой, вот когда глупость женщины отнюдь не благо, а гибель в прямом смысле слова», – раздраженно подумал пан Викентий.

– Хорошо, мы сейчас все выясним, – Марчевский подошел к окну, немного отодвинул штору и посмотрел вниз. Улица была пустынна. – Иди, Зося, делай как я сказал!

Дождавшись, пока она выйдет, Пан Викентий подошел к столу и, не убирая пистолета, сел напротив гостя. Отметил про себя, что тот держится достаточно спокойно. Наверное, надеется выкрутиться? Но ноздри до сих пор щекочет сладковато-приторный запах «Фрюлинга», а это смертный приговор!

– Итак, – глядя в глаза незнакомцу, сказал Марчевский, – пан знает меня, мое бывшее звание, знает, где я живу, а я, представьте, пока не знаю о вас ничего. Не хотите восполнить пробелы?

– Пан полковник не прав: офицер всегда остается офицером, даже если армия потерпела поражение, – мягко улыбнулся гость. – Поэтому я обратился к вам по званию. Однако вы, похоже, действительно меня не помните?

– Представьте себе, – с издевательской усмешкой ответил полковник.

– Я Тараканов, из Кракова.

– О, так пан русский? Интересная новость. И что же вы делаете здесь? Откуда знаете меня, как нашли мое жилище в этом городе? Отвечайте быстро, на долгие разговоры нет времени.

– Надеюсь, пан полковник не станет стрелять в квартире при женщине, если я достану сигареты? – вместо ответа поинтересовался Тараканов. – А на ваши вопросы я отвечаю. Все очень просто – мне нужны пенёндзы[4 - Деньги (польск.)], а знакомых здесь нет. Я случайно увидел вашу даму и пошел за ней, надеясь на счастливую встречу с вами. Вот и встретились. Не откажите в помощи бывшему сотруднику дефензивы?[5 - Дефензива – политическая полиция буржуазной Польши.]

– Складно лжете, господин Тараканов, но неправдоподобно. Во-первых, Зося не выходит из дома! А во-вторых, среди сотрудников дефензивы у меня не было знакомых с фамилией Тараканов. И вообще там не служат эмигранты!

– Не служили, но сотрудничали! – уточнил гость без тени смущения. – Полиция не может обходиться без осведомителей.

– Согласен, – кивнул Марчевский, – но теперь вы, видно, быстро сменили хозяина.

– Прошу вас, не торопитесь с выводами! – примирительно поднял руки Тараканов. – При новом хозяине зачем бы мне деньги? Кстати, могу предложить вам купить весьма интересную вещь, и надеюсь, она придется вам по вкусу. Но самое главное – деньги! Они у вас есть?

– Короче, чего вы хотите? – самоуверенность Тараканова начала раздражать пана Викентия. С каким удовольствием он всадил бы между глаз пулю этому

бывшему полицейскому осведомителю, наверняка перешедшему на службу к оккупантам. Слишком много говорит за это. Может быть, не ждать темноты, а пристрелить его прямо в квартире, а потом уйти? Нет, пока ничего еще не ясно с его собственными делами, нельзя столь явно бросать вызов немцам: они хватятся своего соглядатая, придут, обнаружат труп и...

- Ну, говорите, я же жду! - поторопил Марчевский.

- Вот, - Тараканов сунул руку в карман и вытянул из него за тонкую золотую цепочку изящное распятие. На небольшом нательном крестике была прикреплена искусно вырезанная из слоновой кости фигурка распятого Иисуса Христа. - Не откажите, пан полковник, а то я совсем издержался. Не сомневайтесь, золото всегда в цене. И обратите внимание, это очень старая работа. Оно ваше, если заплатите.

- Сколько? - с иронией поинтересовался полковник.

- Сто пятьдесят марок, - не моргнув глазом, ответил Тараканов. - Ни пфеннига меньше.

- А злотые вас не устроят? Покажите... - Марчевский взял протянутое распятие, повертел, рассматривая. На оборотной стороне было выгравировано: 25 декабря. - Дата Рождества Христова... Напомните, господин Тараканов, где мы могли встречаться раньше?

- В Польше «Б»[6 - При режиме Ю. Пилсудского страна условно делилась на Польшу «А» и «Б», т. е. на западные и восточные области.], например. Вообще в Восточных кресах[7 - Название областей в буржуазной Польше.], когда там велась борьба с коммунистическими партизанами. А злотые будут в цене еще не скоро. Берите, я вижу, вам нравится.

- У меня нет такой суммы. Но могу предложить сто марок, тоже неплохая цена.

- Хорошо, ни вам, ни мне! - хлопнул себя ладонью по колену Тараканов. - Пусть будет сто двадцать пять. Из уважения к дате!

Впервые за все время разговора бледная улыбка тронула губы пана Викентия. Он положил пистолет на стол и убрал распятие в карман пиджака.

– Скажите, Тараканов, сколько вам лет?

– Это имеет значение? – нимало не смутившись, ответил вопросом на вопрос бывший осведомитель политической полиции. – В отличие от женщин я не делаю секрета из своего возраста. Мне тридцать шесть. А что?

– Вы еще так молоды, – продолжая улыбаться, пояснил Марчевский, – но торгуетесь, как старый еврей на варшавской барахолке. Берите, что вам дают.

– На варшавской барахолке не бывал, не знаю, – парировал Тараканов. – Я вообще не бывал до войны в Варшаве, только проездом. Но деньги счет любят, пан полковник. Я на эти марки жить собираюсь, понятно? И во время войны надо есть, пить, где-то спать, что-то надевать на себя...

– Скоро лето, – меланхолично заметил пан Викентий.

– Еще не скоро, – огрызнулся гость, – до лета успеешь с голоду подохнуть. Давайте сто двадцать пять и разойдемся. А нет, так верните вещь, как-никак золотая. – Он требовательно протянул руку.

Марчевский даже удивился, какая длинная оказалась у Тараканова рука, а ее движение – неожиданное, гибкое, быстрое, как выпад опытного фехтовальщика.

– Не торопитесь, – поморщившись, полковник слегка отодвинул в сторону протянутую руку. – Я еще не решил окончательно. Скажите, что вы делали после нашего поражения в сентябре прошлого года? Извините за нескромность, но это все-таки вы пришли ко мне, а не я к вам, и происхождение предлагаемой вещи мне не совсем ясно.

– Бойтесь купить краденое? – усмехнулся бывший осведомитель. – Зря! Теперь до этого никому нет дела. Впрочем, я объясню: это подарок одной хорошей женщины своему сыну. На обороте выгравирована дата его рождения. Нет, подарили не мне, я католик. Вам рассказать, как распятие попало в мои руки?

– Это не так интересно, – вяло махнул ладонью Марчевский.

Честно говоря, Тараканов его озадачил. С одной стороны – похоже, не лжет, но с другой... Сейчас время недоверия, и кто поручится, что сидящий перед ним человек именно тот, за кого он себя выдает? Немецкие спецслужбы работают грамотно, не брезгуя никакими средствами, они хорошо готовят своих людей, а бывший полковник не имел права рисковать, сразу и безоговорочно доверяясь незнакомцу. Слишком многое поставлено на карту в этой игре. Слишком многое!

– Курите, – предложил пан Викентий, протягивая эмигранту сигареты. Тот взял, поблагодарив небрежным кивком. Жадно затянулся, выпустив дым из узких ноздрей.

Неясная настороженность все еще не покидала Марчевского. Он и сам вряд ли мог ответить себе на вопрос: что именно так его беспокоит? Серо-зеленые, какие-то кошачьи глаза Тараканова, неотрывно следящие за каждым жестом собеседника; его нос, с небольшой горбинкой, словно приносящийся к обстановке в гостиной; неожиданно быстрые жесты, манера сидеть так, словно в любую минуту готов сорваться с места, побежать неведомо куда, и эти странные руки, с небольшими кистями и сильными пальцами, крепко зажавшими сигарету? И в то же время непонятная уверенность в себе, ненапускное спокойствие, словно пришел к доброму старому знакомому поболтать за чашкой кофе, покурить, рассказать забавную историю и отправиться восвояси. Станный человек, непонятный.

– Как же вам удалось найти меня? Откуда знаете Зося?

– Видел, когда вы приезжали в имение маршала Пилсудского, в Друскининкай, года три назад. Помните? А здесь встретил случайно, простите за подробность, выследил, полагая, что и вы где-то рядом. Пришлось подарить вашей даме флакончик пробных французских духов, который я безуспешно пытался продать. Зато они открыли мне двери вашего дома.

– Французские духи? Заглянули в парфюмерный магазин, оставшийся без хозяина?

– Я никогда не воровал, – криво усмехнулся Тараканов. – Просто довелось побывать в Париже.

– Даже так? – протянул пан Викентий. – Что же вы там делали?

– Хотел завербоваться в иностранный легион. Сидел, знаете ли, на мели. Говорят, финансовая пропасть самая глубокая, но я не оставлял попыток выбраться из нее. Во Франции много наших, русских эмигрантов, надеялся на их помощь, но потом передумал.

– Испугались свиста пуль?

– Нет, было бы за что воевать. В двадцатом году я с винтовкой в руках отступал из России, хотя мне было всего шестнадцать лет. В Крыму, к счастью, удалось избежать пленения красными и попасть на пароход. Много повидал, не всегда был сыт и одет, но я никогда не воровал, пан полковник. Однако мы заболтались, а скоро полицейский час: не приведи господь попасть в руки патруля! Говорят, они стреляют без предупреждения?

– Пока гром не грянет, мужик не перекрестится, так, кажется, сказано в русской пословице? – улыбнулся Марчевский. – Берите сто марок и уходите. Я провожу вас: покажу, как незаметно добраться до вокзала. Вы, наверное, собираетесь уехать? Или имеете жилье здесь?

Ответить Тараканов не успел. В комнату быстро вошла Зося. Ее лицо было бледным.

– Викентий! Внизу немцы!

Марчевский быстро подошел к окну, отодвинул штору: у подъезда стояла большая легковая машина. Рядом прохаживались, разминая затекшие ноги, слезшие с мотоциклов солдаты. Громкий стук металлического предмета заставил полковника обернуться. Тараканов ловко закинул под диван его пистолет, лежавший на столике.

– Пся крив! – поляк схватился за задний карман брюк, намереваясь достать браунинг.

– Не глупите, пан полковник! – встал Тараканов. – Сейчас нам надо крепко держаться друг за друга!

В дверь квартиры уже стучали. Громко и требовательно...

* * *

Раньше ему казалось, что лучше всего думается в седле. Поскрипывание подпруги, легкий звон трензелей, хорошо подогнанные стремяна, привычный запах конского пота и живое движение идущего под тобой жеребца, играющего мышцами под тонкой, покрытой мягкой шерстью, кожей. Легко тронешь шпорами бока лошади, и она пойдет вскачь, замелькают, проносясь мимо, деревья или широко раскинется степь, опьяняя дурманящими запахами, заторопятся мысли, обгоняя друг друга и бег жеребца. Хорошо!

Потом тонкий взвизг отточенного клинка, выдернутого на скаку из ножен, красивый замах – «восьмеркой», когда шашка описывает замысловатый круг над головой, со свистом разрезая воздух, грозя смертью врагу – и удар, слегка привстав в стремянах, резко опускаясь вслед за клинком...

Однако давно и безвозвратно прошли те времена, когда командир конного разведвзвода Алешка Ермаков махал шашкой и скакал на горячих жеребцах.

Теперь под ним поскрипывало кожей не село, а мягкое сиденье автомобиля, фыркала не лошадь, а мотор, пахло не конским потом, а бензином. И время словно уплотнилось, кажется, стало даже осязаемым – хоть режь его на мелкие кусочки, пытаюсь распределить между бесконечными делами, но как ни мельчи – все равно его катастрофически не хватает! Частенько приходилось напряженно работать сутки напролет, тщательно анализируя и сопоставляя сведения, собранные разными людьми, из разных источников, и принимать решения, которые должны быть скрупулезно выверенными и единственно верными, чтобы нанести врагу упреждающий удар – неотвратимый и быстрый, как высверк разящего клинка. Или парировать удар врага. Но это всегда такая ответственность – принять решение: ответственность перед руководством разведывательного управления генерального штаба РККА, ответственность перед армией, народом.

Кто бы знал, каким тяжелым грузом ложилась эта ответственность на его плечи, как давило бремя сомнений – прав ли, все ли учел, верно ли разгадал замыслы противника, не принял ли желаемое за действительное? Вдруг враг гонит

«дезу» – как привычно называли в среде разведчиков дезинформацию – выманивает на себя наши силы, чтобы затеять с ними игру, усыпить бдительность, а потом подло ударить в самое уязвимое место?

Генерал Ермаков провел ладонями по гладкой поверхности стола, словно сметая со столешницы мелкий сор; привычно успокаивающе темнел фигурный письменный прибор каслинского литья с чернильницей в виде подковы, слева – лампа под зеленым стеклянным абажуром, похожая на керосиновую, которая была в их доме в Смоленске, где он провел детство. Именно поэтому Алексей Емельянович не разрешил хозяйственнику заменить ее на новую, с проволочным, обтянутым кремовым шелком абажуром и бронзовой подставкой: лампа казалась кусочком далекого детства, привносила в строгий кабинет домашний уют.

Мирный договор с Германией подписан осенью прошлого года, Красная армия вышла на новую линию государственной границы, а значительная часть Польши теперь оккупирована немецкими войсками, и сейчас два мира оказались лицом к лицу. Если раньше фашисты были где-то там, далеко, то теперь в пределах досягаемости их бомбардировочной авиации Минск, Киев... тревожно думать об этом. Что для Гитлера любой мирный договор?

В январе 1939 года министр иностранных дел Польши полковник Юзеф Бек во время встречи в Мюнхене с министром иностранных дел Германии фон Риббентропом заявил: «Польша желает жить в дружественных и добрососедских отношениях с Германией и готова сотрудничать с немцами в борьбе против Коминтерна».

Еще бы не готова! Господа, определявшие политическую линию буржуазной Польши, совсем недавно с большим вниманием слушали выступления приезжавшего к ним главного нацистского полицейского Генриха Гимmlера, рассказывавшего о правилах построения концлагерей. После его визита построили страшный лагерь в Березе Картузской, куда дефензива отправляла всех инакомыслящих.

И это за несколько месяцев до войны! А менее двух лет назад, в октябре 1938 года, посол буржуазной Польши в гитлеровской Германии Юзеф Липский доносил Беку, что на его вопрос германскому послу в Варшаве фон Мольтке: может ли Польша рассчитывать на доброжелательную позицию рейха в случае вооруженного конфликта с Советским Союзом? – последовал весьма недвусмысленный ответ Геринга: в случае советско-польского конфликта

польское правительство несомненно может рассчитывать на помощь Германии.

Вот и помогли – правительство бежало в Лондон, страна оккупирована немцами, армия разбита. Глупцы, ослепленные ненавистью к нашей стране. Забыли, что именно советская власть признала за польским народом право на самоопределение и аннулировала все договоры царского правительства России о разделах Польши!

Алексей Емельянович подвинул ближе пухлую папку с документами, раскрыл, полистал, быстро пробегая глазами по ровным машинописным строкам. Давно господу Бек и Липский связаны с немцами, ох как давно!

Еще до Первой мировой войны тогда мало известный Юзеф Пилсудский, ставший после переворота 1926 года фактическим диктатором Польши, активно сотрудничал с австрийской военной разведкой «Хаупт-Кундшафтшелле», создав пресловутую «Первую бригаду», готовую воевать против России. В ее рядах был и студент Львовского политехнического института, впоследствии министр иностранных дел буржуазной Польши, Юзеф Бек, который на приеме в Бертехсгадене, состоявшемся накануне войны, подобострастно пожимал лицемерно поданную ему в знак «вечной дружбы» руку Гитлера.

Карьеру шпиона Бек начал в 1917 году, пробравшись на территорию молодой Советской республики, где возглавил киевскую группу военной немецкой разведки КНЗ. После революции в Германии и краха династии Гогенцоллернов, когда кайзер Вильгельм бежал за границу, оставив свой дворец на набережной Шпрее, Юзеф Бек, разоблаченный чекистами, сумел скрыться и тайком направился в Варшаву, куда в то время стремились под крыло Пилсудского, облеченного доверием крупной польской буржуазии, все его «соратники» из бывшей «Первой бригады» – Медзинский, Шатцель, Матушевский, Лис-Куля и другие агенты австрийской военной разведки и члены полуконспиративной «Польской организации военной» – ПОВ.

Осенью 1918 года Бек сумел добраться до Люблина, где был радушно встречен и обласкан местным военным начальником Эдвардом Рыдз-Смиглы. Позже, уже в Варшаве, Бека принял в Бельведере – правительственной резиденции – сам «командант» и первый маршал Юзеф Пилсудский. От него поступило предложение – возглавить Второй отдел Генерального штаба, занимавшийся подготовкой разведчиков и диверсантов для борьбы против СССР. Предложение было с благодарностью принято. Банды Булак-Балаховичей и генерала

Перемыкина, поход белорусских националистов на Мозырь, попытки создания антисоветского подполья, поддержка известного террориста Савинкова – вот чем занималась «Шарая эминенция» – серый кардинал – польской разведки Юзеф Бек. Можно ли теперь поверить одному из его бывших сотрудников?

Ермаков тяжело поднялся из-за стола, прошелся по красной ковровой дорожке, бросил взгляд из окна: уже темнело, скоро зажгутся фонари – не пора ли ему зажечь лампу на столе? Нет, лучше пока посумерничать, как когда-то говаривала мать.

Естественно, что быстрое поражение Польши в войне с немцами многим из офицеров польской армии «встрянуло мозги», заставило думать иначе, искать выхода из создавшейся ситуации. Среди них много истинных патриотов, не собирающихся складывать оружия и прекрасно понимающих: помощь может прийти только с востока, от братского славянского народа, от Красной армии. Не слепые, видят, куда нацелился Гитлер, жаждущий подмять всю Европу.

Но сомнения не оставляли, тенью бродили за генералом по широкому кабинету. Прав ли он? Не лезет ли сам в сети, рискуя чужими жизнями и проигрышем в оперативной инициативе, столь важной в невидимой, жестокой сватке советской и немецкой разведок, которая уже началась? Нет, не в Испании, а значительно раньше! Началась с первых дней существования новой, советской власти, которую он, генерал Ермаков и его товарищи, должны беречь, чтобы всегда были сильны страна и ее армия.

Кстати, сейчас много говорят о войне в Испании. Но, как считал Алексей Емельянович, испанский опыт здесь не годился – другие условия, иная война, да и противник стал действовать более изощренными методами, и в то же время зачастую слишком нагло, топорно, явно второпях проводя многие операции. Но как ни странно, добивался успеха, особенно в странах западной Европы.

Долгие ночные часы проводил генерал Ермаков за бумагами, скрупулезно разбирая те операции немецкой разведки, о которых имел достаточно полную информацию. Недооценивать противника он не был склонен – наоборот, лучше его несколько переоценить, считать тоньше, умнее, чтобы выигрывать наверняка. К тому же при выполнении задуманного им и его товарищами придется столкнуться не только с немцами. Имелись сведения, что польскими вопросами уже очень интересуется и многоопытная английская разведка.

Походив еще немного по кабинету, генерал все-таки зажег настольную лампу под зеленым абажуром, потом снял трубку внутреннего телефона и набрал номер.

- Козлов? Зайди с материалами...

Через несколько минут в кабинет неслышной походкой вошел немолодой майор с темно-синей коленкоровой папкой под мышкой. Жестом предложив ему располагаться у стола, Ермаков отошел к окну, словно занимая позицию стороннего наблюдателя, и, прислонясь спиной к высокому подоконнику – генерал был низкорослым, – предложил:

- Давай, Николай Демьянович, порассуждаем.

Майор в знак согласия молча склонил лысоватую голову и открыл папку, приготовившись к работе.

- Итак, первое – успешно проведенная немцами операция по захвату польских разведывательных центров вместе с документацией и не успевшими скрыться сотрудниками. – Ермаков не спеша размял папиросу, прикурил. Посмотрел, сколько еще осталось в коробке: врачи настоятельно не рекомендовали из-за язвы, однако избавиться от многолетней пагубной привычки оказалось непросто.

- Так точно, – тихо откликнулся майор. – Акцию спланировали по личному приказанию адмирала Канариса, руководил операцией капитан Фабиан. Усиленными мотомеханизированными группами командовали лейтенанты Шнейдер, Булан и Енш. Осуществление акции было начато с момента вторжения на территорию Польши. Поддержка со стороны люфтваффе обеспечивалась. Не исключена предварительная серьезная проработка операции Данцигским институтом.

Об этом институте Алексею Емельяновичу докладывали неоднократно. Незадолго до нападения на Польшу немцы широко развернули в Кенигсберге, Бреслау, Берлине и Данциге «научные учреждения востоковедения», являвшиеся прикрытием филиалов военной разведки, работавшей в первую очередь против СССР. «Славянский восток» не давал фюреру покоя – огромные пространства плодородной земли, залежи ископаемых, развитая промышленность. В частности, под крышей абвера функционировал Данцигский

«Институт фюр Остеевропеише Виртшафт», сотрудники которого часто выезжали в Польшу якобы в «научные командировки». Там же осели и ряд бывших работников фирмы Круппа «Друсак», которая в двадцатые и начале тридцатых годов направляла из Германии в Советский Союз специалистов по заключенному с немцами контракту: тогда начали много строить, а своих инженеров очень не хватало. Теперь некоторые из этих «спецов» работали на абвер. Хотя чему удивляться: Крупп всегда война – пушки, танки, броневые плиты для кораблей военно-морского флота, оружейная сталь...

– Николай Демьянович, кто-нибудь из этого института бывал в составе делегации на переговорах по обмену галицких немцев на украинцев, оставшихся на захваченной фашистами территории? Или в числе четырехсот немецких представителей, приезжавших к нам в октябре тридцать девятого?

Козлов зашелестел бумагами. Кожа на его лбу собралась в складки, брови сложились шалашиком. Сними с него коверкотовую гимнастерку с двумя шпалами в петлицах, одень в рубашку с галстуком и черные сатиновые нарукавники, и перед тобой самый натуральный бухгалтер какой-нибудь мелкой артели – настолько добродушное лицо майора не вязалось с профессией военного разведчика. Ни «стального взгляда», ни загадочности.

– Господин Бергер, – майор нашел нужный лист в деле, и складки его на лбу разгладились: все в порядке. – Полковник СС, по нашим данным, он осуществлял контроль за работой других сотрудников делегации и ранее неоднократно бывал в Данцигском институте.

– О нем поговорим позже, – прервал его Ермаков. – Значит, немцы получили в свои руки картотеки польской разведки? Лакомый кусок для Берлина! Однако они пока не могут в полной мере использовать имеющиеся у них материалы, поскольку не знают кодов и шифров, применявшихся восточной референтурой Второго отдела польского Генерального штаба. Таблицы кодов поляки успели уничтожить. Получается, что и есть и нет одновременно? Вроде все в кулаке, а в рот никак не сунешь? – усмехнулся генерал. – Дешифровка им пока не удалась, так?

– Совершенно верно, – Николай Демьянович быстро пробежал глазами лежащую перед ним сводку. – Абвером предприняты все меры к розыску скрывающегося на оккупированной территории бывшего полковника Викентия Ксавериевича Марчевского, сорока семи лет, по национальности поляка, католического

вероисповедания, имеющего высшее военное образование, ранее проживавшего в Варшаве.

Марчевский участвовал в разработке системы кодов и шифров для картотек Второго отдела и теперь является как бы живым «ключом» к захваченным материалам. По нашим данным, его местонахождение немцами еще не установлено.

– Зато мы получили от него весточку. – Генерал отошел от окна и, заложив руки за спину, начал расхаживать по кабинету. – Пойми правильно, Николай Демьянович! Мы с тобой много лет работаем вместе. Как говорится, ум хорошо, а два лучше. Хочу еще раз пройти все, от начала до конца, перебрать каждый фактик, попробовать его на зуб – не фальшивый ли? Нам отвечать за операцию, нам и думать о ней денно и нощно. Потому и позвал: сомнения мучат! Полагаешь, генерал Ермаков сомнений не знает? Знает, еще как знает... не мне тебе рассказывать, что значат эти картотеки и для нас, и для немцев, и даже для англичан, давших приют эмигрантскому польскому правительству. На эту приманку абвер может выманить кого угодно, а нам промахнуться нельзя! Люди, числящиеся в картотеках, могут получить нового хозяина, – какие кадры подбирали себе господа вроде Бека, ты знаешь, – и начнет расползаться эта зараза, как чума, по нашей территории. Поэтому и волнуюсь. Что рассказал Лодзинский?

– Тадеуш Лодзинский перешел нашу границу три месяца назад. На первом же допросе в порганотряде потребовал доставить его к представителям советской военной разведки, обещая сообщить важные сведения. С ним работал Коноплев.

– Знаю Коноплева, – кивнул Ермаков. – Лодзинский бывший член компартии Польши?

– Так точно. Перед войной было принято решение о ее роспуске, но Лодзинский выбывшим из рядов коммунистов себя не считает. В показаниях отмечал, что для его народа было трагедией оказаться лицом к лицу с немцами без сильной компартии.

– Это точно, – вздохнул генерал, присаживаясь напротив Козлова. – Что он говорил о встрече с неизвестным, пославшим его к нам?

– Несколько месяцев назад к нему поздно вечером пришел человек лет сорока приятной наружности, хорошо одетый, вызвал его из дома и предложил прогуляться. Лодзинский отказался, сославшись на полицейский час. Тогда незнакомец приказал ему следовать за ним под угрозой оружия. Пришлось подчиниться. Он завел Лодзинского в развалины и начал допрашивать о связях с коммунистами. В общем, получился у них сумбурный разговор – Тадеуш мужчина серьезный, под два метра ростом и силенкой не обижен – работал в железнодорожном депо кузнецом, – отнял у неизвестного пистолет, да и тот оказался не промах: сумел скрутить кузнеца и вернуть оружие. Потом сказал, что ему известно о брате Лодзинского, проживающем на нашей территории, о коммунистическом прошлом Тадеуша, об арестах, заключении. Даже назвал номер части, в которой служил Лодзинский во время войны. Потом заявил, что он польский патриот, бывший офицер, скрывающийся от немцев, и хочет помочь делу борьбы за освобождение родины. По его словам, он много думал и понял, что враждебная политика по отношению к русским была одной из причины постигшей Польшу катастрофы. На англичан надежды возлагать глупо – они потянут только к своей выгоде, французы тоже, тем более что и те, и другие уже предали поляков в начале войны с немцами. Остаются только русские, на которых Гитлер наверняка обломает себе зубы. Неизвестный предложил Лодзинскому отправиться к нам через границу. Тем более что у того сохранились связи среди железнодорожников. А на нашей территории попросить встречи с представителем советской военной разведки и передать некоторые данные и условия связи.

– Так... Лодзинского проверяли?

– Очень тщательно, товарищ генерал. Коммунист, был в подполье, брат действительно живет у нас, недалеко от Минска, имеет семью, работает, на хорошем счету. Сам Лодзинский особых подозрений не вызывает. Он попросил у незнакомца время подумать: такие вопросы, как нелегальный переход границы в условиях оккупации Польши немецкими войсками, не шутка! Смертельный риск. Неизвестный согласился ждать ответа два дня, но пригрозил, что найдет способ рассчитаться, если Тадеуш донесет немцам. На прощание предложил время и место следующей встречи. Судя по тому, что рассказывает Лодзинский, место встречи выбирал человек опытный в нашем деле: хорошо просматривались все подходы и на случай неожиданных осложнений имелось несколько вариантов отхода. На следующей встрече Тадеуш дал предварительное согласие, но попросил неизвестного дать гарантии. Тот их дал, назвав адрес и пароль одной из явок компартии, существовавшей в довоенное время. Немцы об этом знать не могут, Тадеуш ручается. Правда, неизвестный

оговорился, что сам он не коммунист, и никогда им не был, но как патриот должен бороться с врагом тем оружием, которое ему наиболее знакомо. Он назвал Тадеушу место и время встречи с нашим связным и дал пароль. На словах просил передать, что готов отдать все сведения о картотеке Второго отдела.

– Но у него ее нет! – хлопнул ладонью по столу Ермаков. – Он знает принцип шифров и кодов, а сама картотека у немцев. Чтобы ее передать нам, ну, не саму картотеку, конечно, а содержащиеся в ней сведения, он должен пойти в услужение к фашистам, внедриться в абвер. Иного пути нет!.. Коноплев опытный работник, нет оснований ему не верить: я читал материалы, работа проделана большая и результаты обнадеживают. Лодзинский сразу опознал Марчевского по фотографии?

– Да, – Козлов, испросив разрешения, закурил. Полистал дело. – Вот протокол. Ему предъявили альбом с фотографиями офицеров бывшего Второго отдела. Не колеблясь он опознал в полковнике Марчевском того неизвестного, что приходил к нему домой, а потом встречался с ним через два дня. Кстати, Марчевский говорил Тадеушу, что на него очень большое впечатление произвела Краковская трагедия, заставила торопиться.

О страшной судьбе краковских интеллигентов Алексей Емельянович знал. Поздней осенью тридцать девятого года немцы обязали всех профессоров и преподавателей, живших в городе, прибыть на доклад в старинный Ягеллонский университет, где оберштурмбаннфюрер СС Мюллер арестовал пришедших туда сто восемьдесят профессоров, доцентов и ассистентов. Все они были отправлены в концлагерь Заксенхаузен. Тринадцать известнейших в ученом мире профессоров умерли через три месяца, многие погибли под пытками...

– Допустим, Лодзинский говорит правду. Но вот сказали ли правду ему? Город, где Марчевский назначал встречу с нашим связным, – один из опорных пунктов немецких спецслужб на оккупированной территории. И сам Марчевский раньше имел контакты с немцами, не говоря уже о том, что работал с Беком. Вот в чем дело... И все же мы идем на риск! Попробуем установить связь с Марчевским, но не так, как он этого ждет, а иначе. И посмотрим, как станут разворачиваться события. Со стороны нашей границы послать человека на связь невозможно, поэтому избран путь с Запада, которого ни Марчевский, ни немцы, если они тоже участвуют в игре, предусмотреть не могут. Человек уже пошел?

– Да... Для выполнения задания был подготовлен капитан Волков. Он должен убедиться в надежности Марчевского и дать ему несколько способов связи – бесконтактный, контактный и выход на радиста. Волкова страхуют товарищи из оперативной разведгруппы. С погранвойсками НКВД договоренность есть.

– Волков? – побарабанил пальцами по столу Ермаков. – Помню его. На разведфакультете Академии имени Фрунзе учился, так?

– Совершенно верно, – согласно наклонил голову Козлов. – Имеет надежные документы, по легенде – русский эмигрант, проживавший в Польше. Свободно владеет немецким, польским, английским. Псевдоним «Хопров».

– Крепко ему надо держаться, Волкову. В его руках жизни многих людей из цепочки. Как его зовут?

– Антон Иванович. Очень способный офицер. Указания о нашем санкционировании связи Марчевского с немцами ему даны. Не сомневайтесь, Алексей Емельянович, – совсем не по-уставному вдруг обратился Козлов к генералу, – сдюжит Волков! Он парень опытный, с головой. Прирожденный разведчик. И характер – кремьень!

Алексей Емельянович настороженно стрельнул глазами в Козлова – что это он вдруг так расхваливает Волкова? Не похоже на всегда сдержанного, словно застегнутого на все пуговицы, майора.

– Дружили? – прямо спросил генерал.

– Так точно, – выпрямился на стуле Николай Демьянович, не отводя глаз под взглядом начальства. – Дружили. Работали вместе.

– Тяжело придется твоему другу, – помягчел Ермаков. – Генрих Ругге там абверкомандой руководит. Такой волчина! Замок под городом для себя облюбывал, устроил в нем резиденцию. Seriously обосновывается, надолго... Да, а для Марчевского псевдоним есть?

– «Гром». Сам себе выбрал, через Лодзинского передал.

– М-да, – генерал пригладил короткопалой рукой седеющие волосы. Задумчиво поскреб ногтем около брови и неожиданно спросил: – Сам-то ты, Николай Демьяныч, Марчевскому веришь или нет? Не думаешь, что немцы нас на крючок взять хотят, а? Так ведь и англичане выходы на «Грома» станут искать. Им тоже картотеку занять охота!

– Кто знает? – уклончиво пожал плечами Козлов. – Волкову на месте виднее будет. Все меры предосторожности, какие только возможно, мы приняли. И чего уж теперь, когда Волков уже пошел на связь...

– Думать-то нам все равно надо. И за себя, и за них за всех: за немцев, за англичан, за Марчевского... Кем там прикрыть Волкова есть?

– Подготовлено.

– Ну, вот и поговорили, – поднялся из-за стола Ермаков, подводя итог долгой беседе. – Знаешь, Николай Демьяныч, иногда кажется – лучше бы сам пошел, чем другого посылать! На душе легче было бы, понимаешь?

– Все же сомневаетесь, товарищ генерал? – уже от двери спросил майор.

– Сомневаюсь, – глухо ответил Алексей Емельянович.

* * *

Снег уже везде сошел, обнажив прошлогоднюю порыжелую траву, сквозь которую, как через нечесанные старушечьи космы, робко пробивались нежно-зеленые стрелочки, еще не успевшие набрать силы от солнца и дышащей паром земли. В оврагах стояла мутная талая вода, бурая от глины и осевших на дно палых листьев – прошлогоднего роскошного убора густых лесов. Однако откосы уже полностью просохли, и при каждом шаге мелкие комочки почвы осыпались из-под подошвы сапог, с бульканьем падая в воду на дно оврага.

Под широкими лапами вечнозеленых елей местами еще сохранились остатки серого ноздреватого льда, и к вечеру от леса тянуло сырым холодом, словно зима грозила вновь вернуться, подернуть лужи ломкими лучами наледи, пустить в воздух белых мух, заставляя мечтать о сухом тепле жилья.

Человек, одетый в большой серый ватник, темные брюки и яловые, смазанные жиром – чтобы не промокали в сыром лесу – сапоги, удобно устроился на взгорке, просушенном ветрами, забравшись в гущу расправивших ветви кустов боярышника. Он сидел на стволе поваленного дерева и рассматривал в сильный бинокль сопредельную сторону границы. Оптика приблизила башни старого костела из красного кирпича, скирду прелой соломы на краю непаханого поля, чахлую рощицу, через которую проходила грунтовая дорога. Правее темнел заболоченный густой лес. Деревни, в которой стоял костел, видно не было – она пряталась за рощей и высоким косогором.

Человек в сером ватнике опустил бинокль и взглядом отыскал полосатый красно-зеленый пограничный столб с успевшей потемнеть пластинкой, на которой был выбит герб. Контрольно-следовая полоса утонула в грязи – низина, болота, надо ждать пока просохнет окончательно.

На той стороне границы царила тишина, словно все там вымерло – и люди, и животные в деревне. Ветер не приносил с собой ни запаха дыма от топящихся печей, ни собачьего лая. Чужие пограничники тоже не появлялись.

Осмотревшись, человек в сером ватнике и яловых сапогах наметил путь посуше, отложил бинокль и покурил, пряча огонь папиросы в кулаке. Обгорелую спичку и окурок он убрал в жестяную баночку. Потом встал, спрятал бинокль за пазуху, подтянул ремень на черных суконных брюках, осторожно раздвинул ветви густых кустов и пошел вниз, к оврагу, стараясь держаться краем взгорка, чтобы его не видели с другой стороны.

Через несколько минут он спустился в овраг. Хватаясь руками за спутанные длинные пряди жухлой травы, чтобы не оступиться в скопившуюся на дне холодную воду, пробрался к едва заметному под осыпавшейся землей и нанесенным паводком сором из листвы и мелких сучьев темному отверстию, похожему на большую барсучью нору. Оттуда тянуло гнилостным запахом стоялой болотной воды и мышами. Росший над отверстием куст свесил ветви, словно прикрывая тайну мрачного узкого лаза, ведущего в другой мир, туда, где на сопредельной стороне высились кирпичные башни костела и пряталась за рощей деревушка.

Посмотрев по сторонам, человек в сером ватнике достал сильный фонарь, включил его и направил луч света в глубь норы. Склонился, напрягая зрение в

попытке разглядеть – что там внутри? Желтый, похожий на комок старого масла, блик от света фонаря пополз по темной поверхности воды, стоявшей на дне облицованного плиткой из обожженной глины тоннеля. Прополз немного и затух в вязкой темноте подземелья, выхватив из нее корни деревьев, раздвинувшие облицовку и свисавшие уродливыми сосульками. Где-то просачивалась вода и капли падали с глухим стуком, видимо, попадая на кусок дерева.

Вздыхнув, человек ступил в глянцево-черную грязную воду и, согнувшись, осторожно пошел по тоннелю, придерживаясь левой рукой за осклизлые стенки. В правой он держал фонарь, освещая себе путь. Идти было неудобно, приходилось сгибаться почти вдвое, ноги скользили в грязи. Зато вода, сначала достававшая почти до края голенищ сапог, постепенно отступала, уровень ее становился все ниже, а потолок тоннеля начал немного подниматься. Вскоре удалось выпрямиться, а вода на дне доходила только до щиколоток. Обернувшись, человек увидел, что входное отверстие, через которое он проник в тоннель, светится, как узкий серп ущербной луны. Тоннель был пологим, видимо, для лучшего стока вод.

Тихо... Ни писка крыс, которые любят жить в подобных местах, ни журчания воды, не слышно даже стука капель, как около входа. Мозгляя, холодная сырость и темнота, раздвигаемая лучом фонаря, шарящего по стенам, под ногами, по низкому потолку из прямоугольных плиток, похожих на маленькие кирпичики.

Вот темнота как будто раздвинулась, уплотнилась. Рука, державшаяся за стенку тоннеля, ощутила пустоту, и человек остановился. Повел по сторонам фонарем – сводчатое помещение, чем-то похожее на внутренность русской печи, когда залезаешь в нее мыться, стараясь не коснуться голыми локтями раскаленных кирпичей и поудобнее устраиваясь на подстилке из пахучей ржаной соломы. Однако здесь нет неги сухого жара печи и тонкого аромата недавно испеченного на капустном листе подового караваея – только бьющая по ушам вязкая, пропитанная гнилостным сырым запахом тишина...

Луч фонаря начал методично обшаривать стены, потолок, полукруглое устье следующего колена тоннеля, ведущее дальше, в неведомое. Может быть, прямо под костел? Или к каким-нибудь сточным колодцам, закрытым литыми чугунными решетками? Что на той стороне тоннеля и куда он может вывести, человек в сером ватнике не знал.

Есть! В круге света на левой стене маленького коллекторного зала отчетливо виднелось нарисованное мелом стилизованное изображение черепахи – овал, сверху небольшая петля с двумя точками – как плоская головка с глазками-бусинами, а внизу – короткий крючок хвоста. Но у этой черепахи было шесть ног! От овала-панциря шли шесть черточек – по три с каждой стороны.

Однако такая небрежность в рисунке, видимо, не только не смутила человека в сером ватнике, но даже обрадовала его. Он улыбнулся в темноте и, нашарив в кармане стеганой куртки кусочек мела, шагнул к стене. Взял кожаную петлю фонаря в зубы и направил его свет на рисунок. Упершись рукой в стену, человек в сером ватнике аккуратно зачеркнул мелом сначала голову черепахи и ее правую переднюю ножку-палочку, потом среднюю правую ножку и левую заднюю. Последний штрих был положен на хвостик-закорючку. Получилась ломаная зигзагообразная линия. Незачеркнутыми остались только три ножки...

Когда он наконец-то выбрался из тоннеля, ведущего неизвестно куда, совсем стемнело. Погасив фонарь, он с минуту постоял на дне оврага, прислушиваясь, потом быстро полез вверх, ловко карабкаясь на крутой обрыв.

Через полчаса за взгорком, с которого человек в сером ватнике осматривал в бинокль чужую территорию, его встретил молчаливый мужчина в накинутах поверх шинели плащ-палатке и зеленой пограничной фуражке со звездочкой.

– Порядок, – ответил на его немой вопросительный взгляд совершивший подземное путешествие. – Пошли, обсушиться надо. Все-таки успел набрать воды в сапоги...

Еще через два часа на стол майора Козлова в его кабинете на Знаменке в Москве легла расшифрованная радиограмма: «“Гунн” приему и помощи “Хопрову” готов. Связь подтверждена. Семенов».

Николай Демьянович вложил телеграмму в синюю коленкоровую папку и подумал, что необходимо срочно подготовить еще несколько быстрых и надежных вариантов связи, исключающих частый радиообмен, – по данным, полученным сегодня утром, немцы значительно усиливали службу пеленгации и радиоперехвата в пограничной зоне с СССР...

* * *

– О, майн либер альтергеноссе! – Генрих Ругге, золотозубо улыбаясь, привстал навстречу Марчевскому из-за своего огромного стола. – Ведь мы с вами действительно альтергеноссе – одногодки, не так ли? А вы заставляете меня беспокоиться об участии старого товарища. Нехорошо, герр Викентий, прятаться от друзей, ой как нехорошо. Присаживайтесь. Сейчас будет кофе. Распорядитесь, Шмидт!

Марчевский прошел к столу, сел в кресло. При его приближении кобель, настороженно поднявший голову, глухо зарычал, но тут же замолк, повинувшись окрику хозяина. Абверовец ласково потрепал его за ушами.

– Мой Дар. Хорош, правда? Надеюсь, вы будете друзьями и с ним. Удивительно умный пес.

Пан Викентий слушал его, напряженно сцепив пальцы. Ему хотелось завывать от отчаяния – почему сразу не ушел?! Теперь он сидит здесь, в замке, расположенном в нескольких километрах от городка, в кабинете начальника абверкоманды подполковника Ругге.

Езуз Мария, какой калейдоскоп событий за один день! Утром неудачный выход на место встречи со связником, потом слезка, появление в квартире Зоси подозрительного Тараканова и вслед за этим – приезд немцев. Поневоле задумаешься над подобными совпадениями. Но, может быть, еще не все потеряно? Ведь блеснул же луч надежды, и пока ничего не ясно до конца. Значит, надо собрать себя в кулак и продолжать бороться. Как – будет видно по обстоятельствам.

Открылась высокая резная дверь кабинета, и солдат в белоснежной куртке вкатил сервировочный столик на колесах. Легкий ароматный парок поднимался над кофейником, тарелочки с сыром и копченой колбасой, тонко нарезанный хлеб, масло, коньяк, коробка сигар... Господин Ругге щедро угощает пленников? Да, а куда подевали Тараканова? Спросить? Нет, пожалуй, не стоит, выяснится само собой: абверовец все равно вынужден будет хоть что-то сказать о человеке, задержанном вместе с Марчевским.

– Угощайтесь, – все так же радушно улыбаясь, Ругге встал из-за стола и пересел в кресло напротив пана Викентия. – Я за вами поухаживаю, на правах хозяина. Поговорим, вспомним прошлое. Ведь нам есть что вспомнить?

Настороженно слушая его болтовню, Марчевский осмотрелся. Огромный сейф в углу, множество книжных полок и шкафов, два изящных застекленных шкафчика с винтовками. Отдельно, на специальной полочке, лежали оптические прицелы. Перехватив его взгляд, абверовец самодовольно заметил:

– Да-да, мой друг, не оставляю прежних увлечений! Помните, как я уложил кабана в тридцать седьмом? Мы с вами встречались тогда в Беловежской Пуще, когда рейхсмаршал Геринг приезжал на охоту. И, как мне помнится, вели весьма интересные беседы за рюмкой. Неужели вами все это забыто? А наша встреча в тридцать четвертом году, на переговорах, закончившихся заключением соглашения о пропаганде? Давайте выпьем за новую встречу, – немец налил в рюмки коньяк. – Надеюсь, вы объясните старому доброму другу Генриху, почему пришлось вас искать?

«Начинается, – отстраненно подумал пан Викентий. – С чисто немецкой педантичностью. Ну что же, придется подыграть».

– Я... Я был в растерянности, – поднятая рюмка дрогнула в его пальцах. – Одно дело, когда мы встречались как равноправные партнеры, а теперь, когда один из нас победитель, а другой...

– Бог мой! Герр Викентий! Разве в разведке говорить о таких вещах? Тем более после стольких лет нашего плодотворного сотрудничества. Именно сотрудничества, я не оговорился, нет. И мне непонятны ваши сомнения – разве вы не ждали нас? По-моему, все predetermined: слабое должно отпасть, умереть, а ему на смену приходит более сильное, жизнеспособное, несущее обновление всей Европе, всему миру!

«А он мало изменился – наблюдая за Ругге, отметил Марчевский. – По-прежнему любит пустой треск выпрренной болтовни, но за ней умело прячет весьма серьезные вещи. Только человек, плохо знающий, с кем он имеет дело, может попасться на такую удочку, принять его за пустозвона. Нет, герр Ругге серьезный разведчик, и личина болтуна только одна из множества масок, которые он меняет с поразительной легкостью, как прирожденный циркач из

балагана на ярмарке. Но что сейчас скрывается за словесной шелухой – не дошел мой посланец и они все пронюхали, а теперь наслаждаются моим незнанием и готовят неожиданный удар? Поэтому и появился взявшийся ниоткуда Тараканов? Если о нем не спросят – значит он их человек. Но могут и специально спросить, чтобы скрыть это... Не исключено и то, что по своей обычной привычке я все сильно усложняю – вдруг Ругге просто по-человечески рад моему задержанию – ведь они искали меня, а Генрих такой же человек, как и все, и ничто ему не чуждо. Хорошо, если так. Но от них теперь не вырваться. Начинается новая дорога в жизни, и куда-то она приведет – на эшафот или к победе?»

– Вы правы, как всегда, – пригубив коньяк, пан Викентий поставил рюмку. – Выгоднее быть на стороне победителя.

– Где же вы пропадали? – близоруко прищурился абверовец. – Теперь больше нет смысла секретничать.

Последние слова прозвучали со скрытой угрозой – не забывайте, либер альтергеноссе, кто здесь стал хозяином, в чьих руках все: ваша земля, ваша жизнь, ваше будущее.

– В деревне, – обезоруживающе улыбнулся Марчевский. – Не смотрите на меня так подозрительно, я говорю суцую правду. После поражения нашей армии я скрывался в деревне. Спросите, в какой? В разных, постепенно перемещаясь сюда, к этому городу, где вы меня и отыскиали. Но если бы я знал, герр Ругге, что вы здесь, наша встреча состоялась бы раньше.

– Хочется верить... Я знаю, что ваша жена погибла, знаю. Тяжелая утрата, но остались дети! Надеюсь, ваша откровенность не заставит меня прибегать к жестким мерам по отношению к ним? Согласитесь, отыскать их не представит для нас большого труда. Поэтому скажите, почему вы стремились именно сюда, ближе к новой границе с русскими?

– Здесь Зося. – Марчевский решил не петлять, как заяц. Все равно они уже знают, кто хозяйка квартиры, где его задержали. – Разве не естественно, что мужчина стремится обрести хоть какой-то островок любви, тепла, участия, дружеской поддержки, наконец, в это смутное время недоверия?

– Да, зачастую даже у профессионалов берет верх чувство, а не разум, – подумав, согласился Ругге.

Ему вдруг стало невообразимо скучно. Зачем он затеял никчемный, глупый разговор, похожий на диалог из провинциального спектакля? Разве он плохо знает Марчевского? Нет, тот ему известен очень хорошо – долгое время «глаза» и «уши» Ругге окружали полковника, доносили о каждом его шаге, симпатиях и антипатиях, ловили даже вскользь брошенные замечания, которые могут сказать опытному человеку больше официальных выступлений. Да, Марчевский ему нужен, нужен как ключ к картотеке, нужен как опытный человек, способный, сотрудничая с абвером, оказать большую помощь в налаживании работы на Востоке – у полковника опыт, знание местной среды, обычаев, нравов, связи внутри оккупированной страны и за ее пределами. Стоит ли сейчас пытаться выворачивать наизнанку, долбить вопросами, на которые он даст заранее приготовленные ответы? Ведь он наверняка готовился и к такому исходу – задержанию спецслужбами рейха и, вне всякого сомнения, потратил не один час, репетируя свое будущее поведение – вон, как ловко разыграл дрожь в пальцах! Проверять его будут: проверять, проверять и проверять! Даже когда не останется и тени подозрений – все равно будут проверять, во избежание попыток переметнуться, заняться двурушничеством, приобрести себе индульгенции у врагов рейха. Например, у англичан. Адмирал Канарис прав – агента разведки надо связать по рукам и ногам, поставить в условия, лишаящие возможности торговать военными секретами. Каждый должен выполнять строго определенные функции и знать только положенное, железная дисциплина и общение с ограниченным кругом людей. Разведка должна опираться не на «talанты» отдельных шпионов, а на хорошо продуманную систему! И в этой системе полковнику Марчевскому уже отведено определенное место. Выбора у него не будет – либо сотрудничество, либо развяжут язык другим способом, а потом уберут за ненадобностью. Он не может не понимать этого. Так стоит ли ломать комедию? Не проще ли взять быка за рога?

– Знаете, почему вас искали? – спросил немец, доливая себе в чашку кофе.

– Да.

– И каково ваше решение?

– Только никаких подписок, господин подполковник. Это унижительная процедура, словно вербуют мелкого осведомителя. А я надеюсь на

сотрудничество. С вами, с вермахтом, с Германией.

– Разумно... С подписками, думаю, решим. Ведь мы старые друзья, правда, герр Викентий? – Ругге снова повеселел. Повернувшись к столу, не глядя взял с него какую-то вещь, лежавшую под листом бумаги, небрежно бросил ее себе на ладонь и показал Марчевскому. Это было распятие, которое хотел продать ему Тараканов. – У вас при обыске нашли крестик. Что это?

– Я купил его, и теперь он принадлежит мне, – пан Викентий спокойно протянул руку, намереваясь взять золотую вещицу.

– Вот как? – немец отвел свою ладонь в сторону. Двумя пальцами ухватил распятие, поднес ближе к близоруким глазам, рассматривая. – Хорошая, старая работа. Антикварная штучка. Что-то выгравировано на оборотной стороне? Не вижу без очков...

– Дата Рождества Христова, – спокойно пояснил поляк. – Я решился на покупку, поскольку Тараканов прав – золото всегда в цене.

– Тараканов? Тот человек, что был в доме вашей... – абверовец немного замялся, видимо, подыскивая нужное слово на польском. – Вашей симпатии? Кто он?

– Так, – равнодушно пожал плечами Марчевский. – Встречались когда-то... Мелкий осведомитель дефензивы, выявлял коммунистов. Русский эмигрант.

– Возьмите, – немец отдал Марчевскому распятие. – Собственность священна – это основа нашего мира и национал-социализма. Сейчас покажут вашу комнату. Отдохните, приведите себя в порядок. Ужин принесут, я распоряжусь. Поживите у меня в гостях – замок большой, места хватит. Когда отдохнете, будьте так любезны изложить на бумаге все, что вы делали с момента начала войны. Желательно подробно и на немецком. Завтра мы встретимся и начнем работать с картотекой. У нас будет много работы, майн либер альтергеноссе, очень много работы...

* * *

Неслышно отворилась дверь, замаскированная книжными шкафами, и в кабинет вошел Шмидт с большим узлом в руке. Развернув его, брезгливо вывалил на пол пиджак, брюки, рубашку и нижнее белье. Глухо стукнув о паркет, упали туфли.

- Здесь все, - гауптман отступил на шаг.

Подполковник вернулся от двери, до которой вежливо проводил Марчевского, и, присев на корточки перед грудой одежды, начал перебирать ее, тщательно прощупывая все швы.

- Ваши впечатления о поляке? - не поднимая головы обратился он к Шмидту.

- Насторожен.

- Вы тоже были бы таким на его месте. Ничего, привыкнет. Предстоит тщательно проверить все его показания. А пока пусть работает. Не даром же его кормить? Вы сами осматривали вещи русского? Что-нибудь нашли?

- Нет. Костюм без меток, но явно английского производства.

- Думаете, господин Тараканов прибыл прямо с островов? - усмехнулся Ругге, ловко прощупывая пояс брюк. - Нет, гауптман, англичане никогда не доверятся русскому, даже эмигранту. А костюм... Поляки всегда покупали либо отечественные костюмы, либо английские. Это был своеобразный шик, варшавская мода. Но никогда не брали немецкие! Если наш новый знакомый Тараканов действительно жил здесь, то почему бы ему не носить английского костюма? Пока это ничто... Он не сопротивлялся?

- Был спокоен, разделся по первому требованию. В карманах ничего заслуживающего внимания - польские золотые, немного марок, дешевые сигареты, спички польского довоенного производства, перочинный нож, паспорт. Тоже польский, на фамилию Тараканов. Оружия нет.

Подполковник закончил осмотр одежды, встал, прошел в угол к умывальнику и старательно вымыл руки.

– Распорядитесь, пусть распорют все швы. Эмигрант не обеднеет, в крайнем случае, если он нам сгодится, найдем во что его одеть. А нет... Мертвому безразлично, в чем лежать во рву.

– Врач его осмотрел. На теле никаких отметин, мужчина здоровый, нормального телосложения, мускулатура хорошо развита.

– Считаете, что мог заниматься специальными видами борьбы? Вы присутствовали при осмотре, сами видели все?

– Да, господин подполковник. Развитие определенных групп мышц может свидетельствовать о занятиях спортом, но точно судить не берусь. Под предлогом дезинфекции его всего смазали специальным составом. Ничего не выявлено.

Ругге уселся в кресло и закурил, жестом предложив Шмидту занять место у стола.

– Надо его как следует проверить. Если он действительно работал в Польше «Б», как здесь раньше называли земли Украины и Белоруссии, то может нам весьма пригодится. Но только после тщательной проверки. Найдите кого-нибудь из бывших «осадников», может быть, они знают о нем что-нибудь? Они все там работали на корпус охраны пограничья и дефензиву.

Шмидт согласно кивнул. Он знал, что в двадцатые годы на земле Западной Белоруссии было специально расселено около пяти тысяч «осадников» – бывших офицеров и унтер-офицеров легионов Пилсудского, в большинстве своем – профашистски настроенных. Они получали наделы от пятнадцати до сорока пяти гектаров, строили похожие на крепости хутора и служили опорой полицейским властям. Польшей «А» называли центральную и западную Польшу, где нужды в осадниках не было, в отличие от Польши «Б» с враждебно настроенным по отношению к пилсудчикам белорусским и украинским населением. Многие из бывших легионеров предпочли приближающимся частям Красной армии оккупировавших страну немцев, и потому отыскать человека, возможно, знавшего Тараканова до войны, было задачей вполне реальной.

– Вы распорядились дать бумагу русскому?

– Да. Ему объяснили, что правда в его же интересах. Будет писать.

– Почитаем... Люблю подобные произведения, – улыбнулся подполковник, – узнаешь столько нового. Будем продолжать скрупулезно работать над тем, чтобы выявить среди наших людей, и вновь появляющихся рядом с нами, человека с чужим прошлым. Да-да, с чужим прошлым! Вражеский разведчик не может оставаться самим собой, он натягивает чужую личину, берет себе чужое прошлое и выдает его за свое. Понимаете? Обнаружив такого человека, ни в коем случае нельзя его ликвидировать, нет. Наоборот, надо окружить заботой, чтобы и волос не упал с его головы, чтобы не простудился, не сломал ноги... Но за это он будет давать своим хозяевам то, что разрешим им дать мы. И так до тех пор, пока не минет в нем надобность. Такие люди, скрывающие свое истинное лицо за чужим прошлым, к нам придут, поверьте моему чутью, Шмидт! Марчевский один из немногих, кто знал тайну ключа шифра картотеки агентуры польской разведки. Думаете, сбегавшие в Лондон не подозревают об этом? Есть сведения, что они весьма заинтересованы в установлении контактов с господином полковником. Еще Бисмарк говорил: «Польша – один из камней преткновения всей европейской политики». А на островах издавна любят диктовать свою волю континенту. Поэтому они непременно будут пытаться осуществить контакт с нашим пленником. В картотеке заинтересованы и русские – они могут получить сведения о чужих агентах, оставшихся на занятой ими территории Западной Украины и Белоруссии. А кроме Марчевского, не осталось в живых никого, кто знает тайны ключей! Поэтому они придут. Такой лакомый кусок не упустят ни англичане, ни русские. Французы, думаю, не сунутся, им не до этого.

– А если уже пришли? – глубоко посаженные глаза Шмидта уставились в лицо начальника. – Костюм на Тараканове английский, без меток! Он может быть таким же русским, как я китайцем!

– Вот это-то мы и выясним, дорогой Шмидт. Здесь мы хозяева и можем диктовать правила игра. Захотим – усилим темп, сделаем поединок более жестким, захотим – будем тянуть время, прикидываться дураками. Проверять, всех и все проверять, Шмидт! Искать, постоянно искать чужого агента. Пойдемте, я хочу взглянуть на русского...

* * *

Помещение, куда провели Тараканова, оказалось подвальной комнатой без окон, насквозь пропитавшейся запахами сырой штукатурки и немецкого дезинфекционного порошка «Лойзетодт», употребляемого для борьбы со вшами. Одежду отобрали, пообещав ее вернуть после дезинфекции, и выдали взамен старый солдатский мундир, потрепанные брюки, грубую нижнюю рубашку и кальсоны. К ногам бросили стоптанные туфли.

Мрачный солдат захлопнул за Таракановым тяжелую дверь, оставив его одного. Эмигрант присел на лавку из толстых деревянных реек и осмотрелся.

Свежештукатуренные стены – немцы не любили оставлять в камерах никаких следов прежних узников, – высокий, сводчатый потолок, электрическая лампочка в проволочной сетке. Выключателя в камере не было. На правой стене темнела решетка вентиляционного отверстия. Скамья, на которой сидел Тараканов, стояла рядом с привинченным к полу небольшим столом. На полу лежал свернутый тощий матрац.

Вздыхнув, арестант привычно потянулся к карману за сигаретами, но рука остановилась на полдороги – у него отобрали все вместе с одеждой. Будут проверять? Несомненно. Пусть себе, ему нечего скрывать, а окончательно определяться где-то на службу все равно надо – нельзя же болтаться в такое время, как цветок в проруби, не имея никакого дела. Но для начала надо выбраться из этого подвала живым и здоровым. Поэтому не стоит раздражать хозяев.

Лязгнул замок, и в камеру вошел средних лет мужчина в немецком мундире без знаков различия. Молча поставил на край стола миску с пищей, положил рядом кусок хлеба и две сигареты. Добавил к ним полупустой коробок спичек, карандаш и тонкую стопку серой бумаги.

– Знаете немецкий? – обратился он по-польски к настороженно наблюдавшему за ним Тараканову.

– Слабо, – извиняюще улыбнулся тот. – Могу немного говорить, а пишу совсем плохо.

– Тогда пишите все о себе на русском, подробно, с указанием дат, имен, точных мест происходивших событий. Вплоть до девичьей фамилии матери. Ясно?

– С какого времени?

– С рождения, – буркнул мужчина в немецком мундире и вышел.

Тараканов подвинулся ближе к столу, взял ложку. В миске оказалась картошка с консервированной свининой. Неплохо – кормить, видно, будут пока не по тюремному рациону, а из солдатского котла.

Поев, он закурил, положил перед собой стопку бумаги, взял карандаш. Задумчиво постучал им по губам, решая, как начать.

Наконец на листе появились первые строки: «Родился я на юге России, в тысяча девятьсот четвертом году, в православной семье капитана царской армии Ивана Владимировича Тараканова...»

* * *

Ругге задвинул заслонку потайного оконца, через которое наблюдал за сидящим у стола Таракановым. Хорошо смазанные петли без скрипа повернулись, опуская крышку, прятавшую глазок за вентиляционной решеткой.

– Марчевский на прощанье сказал мне, что этот русский – поклонник Савинкова, – задумчиво сообщил подполковник. – Проверьте, Шмидт, не был ли он сам террористом? И не тяните – предстоит большая игра, нужен человеческий материал.

Гауптман кивнул в знак согласия.

Глава 2

Господина министра разбудили очень рано, даже слишком рано: сквозь сладкий предутренний сон он почувствовал, как кто-то вежливо, но очень настойчиво теребил его за плечо.

– Проснитесь, господин министр, прошу вас, проснитесь!

С трудом разлепив тяжелые от сна веки, господин министр иностранных дел Дании сел в постели, запахивая на груди расстегнувшуюся пижаму.

– В чем дело?

Он имел право на такой вопрос – спать в собственном доме и быть разбуженным еще затемно?! На каком основании? Что могло произойти такого экстраординарного?

– В гостиной вас ожидают немецкий посол и авиационный атташе Германии, – разбудивший министра его личный секретарь выглядел явно встревоженным. Да и то, ждать чего-либо хорошего от господ нацистов по меньшей мере глупо. – Они просят вас поторопиться.

Министр наспех сунул босые ноги в теплые домашние туфли, накинул на плечи куртку из верблюжьей шерсти и вышел в гостиную. Оба немца при его появлении встали. Но заговорил не посол, как этого ожидал господин министр, а германский авиационный атташе.

– Господин министр! Германское командование имеет конкретные доказательства того, что Англия запланировала оккупацию датских и норвежских военных баз. Для предупреждения этого германские вооруженные силы перешли границу и начали оккупацию Дании. Я должен вам также сообщить, что в течение нескольких минут над Копенгагеном появятся эскадрильи немецких бомбардировщиков. Однако, согласно приказу, они пока не сбросят бомб. Задача датчан: не оказывать сопротивления, так как это привело бы к самым ужасным последствиям.

Пораженный услышанным, министр иностранных дел обессилено опустился в кресло. Взгляд его упал на старинные каминные часы – было четыре часа двадцать минут девятого апреля 1940 года...

* * *

Десятого апреля британский посол в Копенгагене Говард Смит направил в «Форин оффис» донесение: «На рассвете, примерно около пяти часов, три небольших транспортных парохода появились у входа в копенгагенский порт. Над ними кружили немецкие самолеты. Береговая противовоздушная оборона дала один предупредительный выстрел по самолетам. Не считая этого, датчане не оказали сопротивления, и таким образом немецкие десантные и военные корабли смогли свободно войти в порт.

В первой волне высадились на берег примерно восемьсот солдат. Они сразу прошли к древней копенгагенской крепости Кастель, ворота которой были заперты; их попросту взорвали. Датская стража, которую застали врасплох, не оказала сопротивления. Как только крепость была занята, часть немецких вооруженных сил направилась в Амалиенбург, в королевский дворец, где напали на стражу и застрелили одного из телохранителей, а двух ранили.

Шансы датской армии на сопротивление вследствие полной внезапности уменьшились еще больше. Например, один из старших офицеров датского военного министерства в день немецкой высадки на берег, девятого апреля, как обычно ехал на автомобиле из своей виллы в столицу. По дороге он наткнулся на немецкий разведывательный дозор, который приказал ему остановиться. Но старший офицер военного министерства, смеясь, погнал дальше, не поняв, что это не находящиеся в шаловливом настроении или немного подвыпившие датские солдаты... Он начал понимать, что что-то не в порядке, только тогда, когда автоматная очередь прорезала его машину...»

Больше от Говарда Смита донесений в «Форин оффис» не поступало.

* * *

В тот же день немцы оккупировали Норвегию, завершив операцию «Везерюбунг».

Старая мельница стояла на берегу тихого, поросшего ряской пруда. Плицы мельничного колеса выкрошились от паводков и долгих лет, как зубы у старика; бревна приобрели цвет благородного серебра, и здание мельницы казалось дорогой игрушкой, забытой ребенком-великаном среди буйно разросшихся кустов и задумчиво глядящихся в зеленую гладь воды плакучих ив. Темный мох облепил фундамент, сложенный из нетесаных камней, густо желтела глина

берегового откоса, а на самом его краю воздело к серому небу руки-ветви засохшее дуплистое дерево.

- Голландский мастер? - прищурился рассматривавший полотно Альфред Этнер.

- На этот раз вы не угадали, господин группенфюрер, - сопровождавший Этнера оберфюрер СС Бергер достал из внутреннего кармана очки в тонкой золотой оправе, тщательно протер стекла и, держа очки как лорнет, склонился к табличке на раме.

- Картина неизвестного русского художника. Примерно середина прошлого века.

- Поразительно, просто поразительно. Манера письма очень напоминает старую фламандскую школу. Сознаться, - Этнер взял под руку выпрямившегося оберфюрера, - вы специально подвели меня к русской картине?

- Вы правы, экселенц.

Этнер убрал свою руку, прошелся по небольшому залу, стены которого были увешаны полотнами в дорогих рамах. Остановился перед картиной, изображавшей охотничий выезд английского вельможи семнадцатого века. Дамы и кавалеры на породистых лошадях, своры собак, нетерпеливо рвущихся с поводков, коренастые псары, вооруженные длинными кинжалами, подняли блестящие охотничьи рога, готовясь затрубить по знаку хозяина, спустить собак со сворок, начать лихую и кровавую потеху. На кого выехал охотиться вельможа - на оленя, на лисицу, на медведя? Хотя, кажется, в английских лесах того времени уже давно не водилось медведей, если они там были вообще. Медведи - это Россия. Чертов Бергер! Умеет-таки ненавязчиво повернуть мысли начальства в интересующую его сторону.

Группенфюрер покосился на Бергера, почтительно стоявшего в стороне. Штатский костюм немного мешковато сидел на его тощей длинной фигуре. Сквозь редкие, сероватые волосы просвечивала розовая, как у младенца, кожа костистого черепа. Да, оберфюрер далеко не красавец, но зато весьма надежный сотрудник, не лишенный способностей. И с хорошими связями.

Этнер никак не ожидал, что Бергер, пригласивший его посетить имение своего родственника по линии жены, сделает такой сюрприз - картинная галерея в

немецком помещичьем доме. Причем неплохая галерея, черт возьми, очень неплохая, хотя и невелика. Многие полотна доставляют массу удовольствия. А впереди еще обещанный обед, приготовленный поваром-китайцем. Помнится, Бергер говорил, что хозяин имения фон Бютцов оказал большие услуги национал-социалистам до их прихода к власти.

Этнер уже был представлен хозяину – лысому тощему старику с хитрыми голубыми глазками, словно напоказ одетому в традиционный баварский костюм. Перебросившись с гостями парой ничего не значащих фраз, хозяин сослался на дела по имению и оставил их одних. Нет, не зря Бергер предложил провести свободный день в имении дальнего родственника, не зря. Хочет в неслужебной обстановке обговорить некоторые дела? Ну что же, поговорим.

– Как вы полагаете, оберфюрер, кто из этих псов «ретривер»?

Бергер подошел, надел очки, внимательным взглядом окинул полотно.

– Простите, господин группенфюрер, я не совсем понимаю? Это что, особая порода?

– В некотором роде, – усмехнулся Этнер. – Вижу, вы не знаток псовой охоты, к сожалению, уже уходящей в небытие. «Ретривер» – пес, приученный приносить своему хозяину убитую дичь и подранков. Только приносить. Своего рода собачий лакей. Выслеживает добычу другой пес, более умный и тонко организованный, а ретривер только приносит... Абвер должен стать для СД ретривером в начатом нами польском деле! Пойдемте на веранду, здесь не стоит курить.

Они вышли, сели в плетеные кресла. Этнер достал пачку американских сигарет, угостил Бергера. Закурили.

– Апрель всегда представлялся мне чародеем, творящим чудеса на германской земле, – продолжил Этнер. – Леса в легкой зеленой дымке появляющейся листвы, молодой, нежной, еще не тронутой жгучими лучами летнего солнца. Синюющие горы, звонкие, чистые ручьи, унесшие мусор стаявшего снега... Я искренне благодарен вам, Бергер, за приглашение посетить это имение. Нельзя все время сидеть в душных кабинетах и на деловых совещаниях. Однако раз уж мы начали разговор, то стоит его продолжить?

– Как вам будет угодно, – вежливо склонил голову оберфюрер.

– Апрель принес не только пробуждение природы, но и новые победы – пали Дания и Норвегия. Теперь настала очередь Франции. Пусть не думают отсидеться за линией Мажино, не выйдет! Кстати, я недавно видел прелюбопытное произведение ведомства господина Геббельса. Представьте, на листовке изображена комната, где на стуле, около большой супружеской кровати, висит английский мундир. И подпись: пока Жан служит на линии Мажино, солдаты английского экспедиционного корпуса утешат его Жанну.

– Seriously? – заулыбался Бергер.

– Вполне. Авторы верят, что когда эти листовки будут разбросаны с самолетов над французскими позициями, то окажут деморализующее воздействие на легкомысленных парижан и марсельцев.

– Самый веский аргумент – наши танки. И бомбовый удар.

– Да, как в Польше – блестящий пример молниеносной войны. Они сами подтолкнули нас, проведя семнадцатого мая тридцать девятого года перепись населения: тогда весь мир узнал, что к востоку от линии Одер – Ныса-Лужицкая проживает не только восемь с половиной миллионов поляков, но и более семи миллионов немцев! Недавно рейхсфюрер Гиммлер интересовался, как идет подготовка в Гамбургской школе СС. Скоро нам понадобится много опытных, хорошо обученных людей.

Бергер знал о Гамбургской школе, располагавшейся в восточном пригороде у реки Альстер. Подобные школы были в Мюнхене и Регенсбурге. Но Гамбургская была любимым детищем рейхсфюрера. Ее прятали от любых вражеских взглядов и случайных любопытных. Даже не все члены СС подозревали о существовании подобных школ, а Гамбургской в особенности. Она располагалась в скромном с виду четырехэтажном здании бывшей гимназии для дочерей прусских офицеров. В целях соблюдения секретности школа официально именовалась училищем секретариата национал-социалистической партии. Здание скрывала высокая стена, увитая плющом и диким хмелем. Ограду специально достраивали, чтобы прирезать большую территорию.

Школой руководил доктор Генрих Куртц, высланный в тридцать восьмом году из Соединенных Штатов. Заведение располагало прекрасно оборудованными кабинетами, аудиториями для занятий, отличным тиром, гимнастическим залом, тренировочными площадками под открытым небом с макетами мостов, железнодорожных путей, тоннелей. После окончания обучения слушатели школы обычно поступали на строго законспирированные курсы повышения квалификации в Штутгарте, где находилась центральная библиотека с фотоальбомами военных заводов различных государственных и общественных учреждений стран Европы и Америки.

– Рейхсфюрер, как всегда, прозорлив, – согласился Бергер. – Мы успешно работаем в Польше и будем переносить этот опыт на другие территории.

– В общем смысле – да! Но есть конкретная задача. Абвер заполучил в свои руки бывшего сотрудника польского Генерального штаба полковника Марчевского. Вспомните старую поговорку: «Недоеденный кусок – самый сладкий кусок». А господа из Лондона не съели картотеку агентуры польской разведки. Для русских же – это жизненно важно, поскольку значительная часть агентов, которые могут быть перевербованы нами, находятся на территориях Западной Украины и Белоруссии. Значит, и они будут интересоваться картотекой. А выход на нее один – Марчевский!

– Операция спланирована, господин группенфюрер. Но как быть с «десятью заповедями»?

Бергер имел в виду отнюдь не библейские заповеди. В свое время, занимаясь дележом сфер влияния, Канарис и Гейдрих заключили соглашение, получившее название «десяти заповедей». Согласно ему в компетенцию абвера входила тайная служба информации за границей, борьба со всеми организациями, угрожающими национал-социалистскому режиму, развертывание саботажа и диверсий, выявление связей групп сопротивления, возникающих на оккупированных территориях, с иностранными разведками. СД оставляло за собой контроль над внутренней политикой оккупированных государств.

– Наплевать! – Этнер примял в пепельнице окурок. – Англичане и русские – серьезные противники. Их военные разведки всегда были чрезвычайно тесно связаны с политикой. Сейчас неважно, кто из них первым клюнет на нашу удочку. Лучше всего, конечно, чтобы клюнули и те, и другие. Мы должны заставить их поверить в наше производство, Бергер! А заодно приглядеть за

абвером.

- Вы им не доверяете, экселенц? Только в этой операции или...

- Им не доверяет рейхсфюрер! - отрубил Этнер. - Поэтому полковник СС Карл Бухер - специально выделен для наблюдения за действиями Канариса. Вам следует знать об этом и сделать соответствующие выводы. Выполнить стоящую перед нами задачу лучше всего через агентов чужой разведки, причем желательно, чтобы они сами добыли подготовленную нами информацию. Вот в чем фокус! Однако глупо возлагать все надежды только на то, что Марчевским начнут интересоваться чужие разведки, и мы получим возможность подсунуть им нужные материалы. Хотя... это один из выигрышных вариантов. Поэтому я дал согласие на его разработку. В нужном направлении одновременно будут работать и другие службы. В том числе за рубежом. Противник в любом случае должен выйти на подготовленный нами материал и получить подтверждение добытой его разведкой информации. И он его получит: через дипломатов, военных атташе, попов из Ватикана, через деловые круги... кстати, в этот польский город направлен на должность начальника тайной полиции и войск СС Вилли Байер. Человек проверенный, специально подобранный для этой должности. Все инструкции ему даны. Наш сотрудник должен выходить прямо на него и только на него. Только! Вы начали работу по польскому варианту?

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

Текст выступления Гитлера 23 августа 1939 года на совещании в Оберзальцберге был найден после поражения нацистской Германии в архивах ставки во Фленсбурге.

2

Надеюсь, пан надолго останется? Что хотели заказать? (польск.)

3

Кофе (польск.)

4

Деньги (польск.).

5

Дефензива - политическая полиция буржуазной Польши.

6

При режиме Ю. Пилсудского страна условно делилась на Польшу «А» и «Б», т. е. на западные и восточные области.

Название областей в буржуазной Польше.

Купить: https://tellnovel.com/ru/vedeneev_vasiliy/chelovek-s-chuzhim-proshlym

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)